

Свечи

**ПУТИ
ЗЕМНЫЕ
И НЕБЕСНЫЕ**
К юбилею
Ивана
Шмелева

**Целину освоили,
БАМ построили**

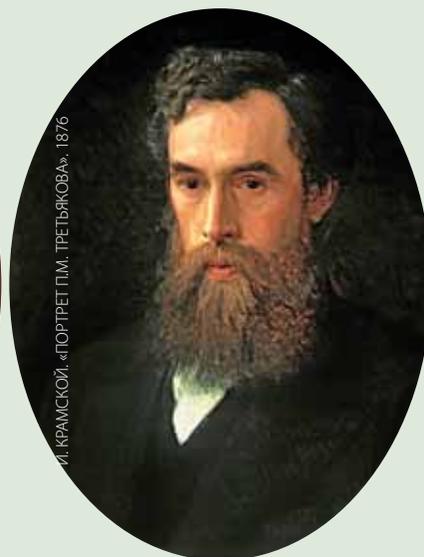
Художественный
взгляд
на комсомол

**Из жизни инспекторов
уголовного розыска**

Жеглов, Зорин,
Знаменский
и все-все-все

**Таинственный
остров**

Земля Санникова:
мираж или природный
феномен?

Купеческий размах

Правительство Москвы приглашает горожан и гостей столицы посетить выставку «Московские меценаты и благотворители». Она посвящена деятельности знаменитых отечественных предпринимателей и промышленников конца XIX — начала XX века, рассказывает о той колоссальной пользе, которую принесли России купцы Морозовы, Третьяковы, Алексеевы, Бахрушины, Рукавишниковы и другие.

Известнейшие картинные галереи, театры, институты, учебные и медицинские учреждения были со-

зданы более века назад на средства чрезвычайно деятельных, состоятельных и по-русски щедрых филантропов. В экспозиции представлены истории славных династий, старинные и современные фотографии построенных ими зданий и учреждений.

Выставка работает в Музее Москвы по адресу:

Зубовский бульвар, 2. Открывшаяся накануне Дня города, она будет принимать посетителей до 7 ноября этого года.

Телефон для справок: 8 (495) 739-00-08.

Бахрушинский музей. Акварель К. Гиппиуса

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя На светлой стороне	29–33	Великие реалисты Целину освоили, БАМ построили
3–7	Символ веры Под высоким покровительством Как Андрей Боголюбский праздник великий установил	34–37	Другие берега Поленов и Репин здесь были Французы чтут память о русских живописцах
8–11	Имена и даты	38–41	На семи холмах И только ветер в аллеях Нескучного... Гуляя по старому парку
12–15	Русская Евразия Таинственный остров	42–47	Стоп-кадр Из жизни инспекторов уголовного розыска
16–19	Наш Крым Университет двух империй Кому Гражданская мать родная	48	Трапезная В Москве — невесты, в Вязьме — пряники
20–24	Родное слово Пути земные и небесные		
25	Книжная палата		
26–28	Проверено временем «Будет брэнчать гитара, будет крутиться пленка...» Сто лет со дня рождения Александра Галича		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

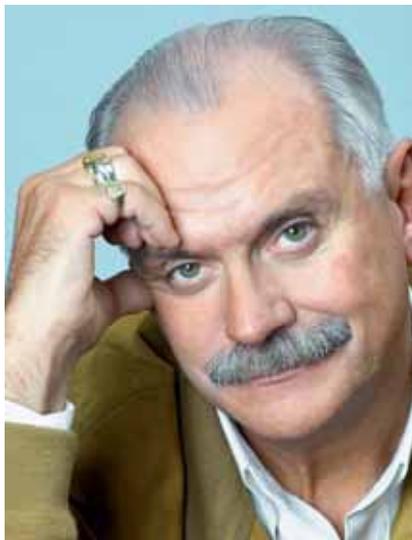
Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 7286/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 17 сентября 2018 г.

Слово издателя

На светлой стороне

Практически у каждого нашего великого писателя был свой, в чем-то неповторимый образ Родины — такой России, какой он ее когда-то видел, о которой мечтал в трудные времена или, наоборот, вспоминал с невыносимой болью и состраданием. Хотя и в этом смысле творчество Ивана Шмелева заметно контрастирует с остальной отечественной классикой, поражая удивительно реалистичным изображением двух прямо противоположных сторон бытия.

Одна — темная, запредельно жуткая, вызывающая смешанное чувство страха и тоски — предстает читателям в романе «Солнце мертвых». Там, помимо всех прочих ужасов, гениально передана коротенькая история, этакая основанная на подлинных событиях притча про брошенного невесть кем горемыку-павлина: прежде роскошная, горделивая, своенравная, а теперь обезумевшая от голода и страха птица мечется с истощенно-жалобным криком между домами, пустырями, случайными прохожими в надежде найти хоть какое-то пропитание. В конечном итоге сама идет на прокорм таким же голодным и отчаявшимся — еще вчера милым, добрым, интеллигентным — людям. «Все к даче доктора... ходил Павка, а у них ни крошки... И что-то жареным пахло, будто индюшкой. А чего им жарить?..»

Подобных и даже более мрачных сцен, моментов, символов в «Солнце мертвых» много, чтобы не сказать — невыносимо много...

Яркие картины «Лета Господня» являют собой другой полюс — светлую и чистую сторону далекой от нас действительности. По-детски искреннее, написанное изнутри, потрясающе колоритное творение Шмелева — уникальная энциклопедия русской христианской жизни. Кто-то скажет: автор «Лета...» ее, ту жизнь, идеализировал. Пусть так — образ бесконечно любимой, чаемой России воссоздавался вдали от Родины. К тому же рукой писателя водило не обычное для его коллег стремление разоблачить «свинцовые мерзости» «тюрьмы народов», но желание показать вечную красоту, непреходящую истинность православия и то, что наш народ как минимум не хуже других знает настоящую цену и греху, и добродетели.

Мне довелось познакомиться с этим романом очень давно, еще тогда, когда о его публикации в нашей стране не могло быть и речи. А однажды поймал себя на мысли, как сильно повлияло на меня «Лето Господне». Атмосфера, запахи, цвета, скрип половиц, старый московский говор — все то, что невозможно сфокусировать в одном сюжете, проникает в сознание и подсознание независимо от твоей воли и первоначального творческого замысла — в этом состоит великая сила прозы Ивана Шмелева.

А еще он оставил после себя огромной исторической и художественной ценности письма, записки, документы, завещание. Одно — самое скромное — заветное желание Ивана Сергеевича мы выполнили: его прах покоится в Москве. Будет ли Россия хотя бы отчасти соответствовать созданному в «Лете Господнем» образу? Ей-богу, было бы неплохо.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Иван Шмелев', written in a cursive style.

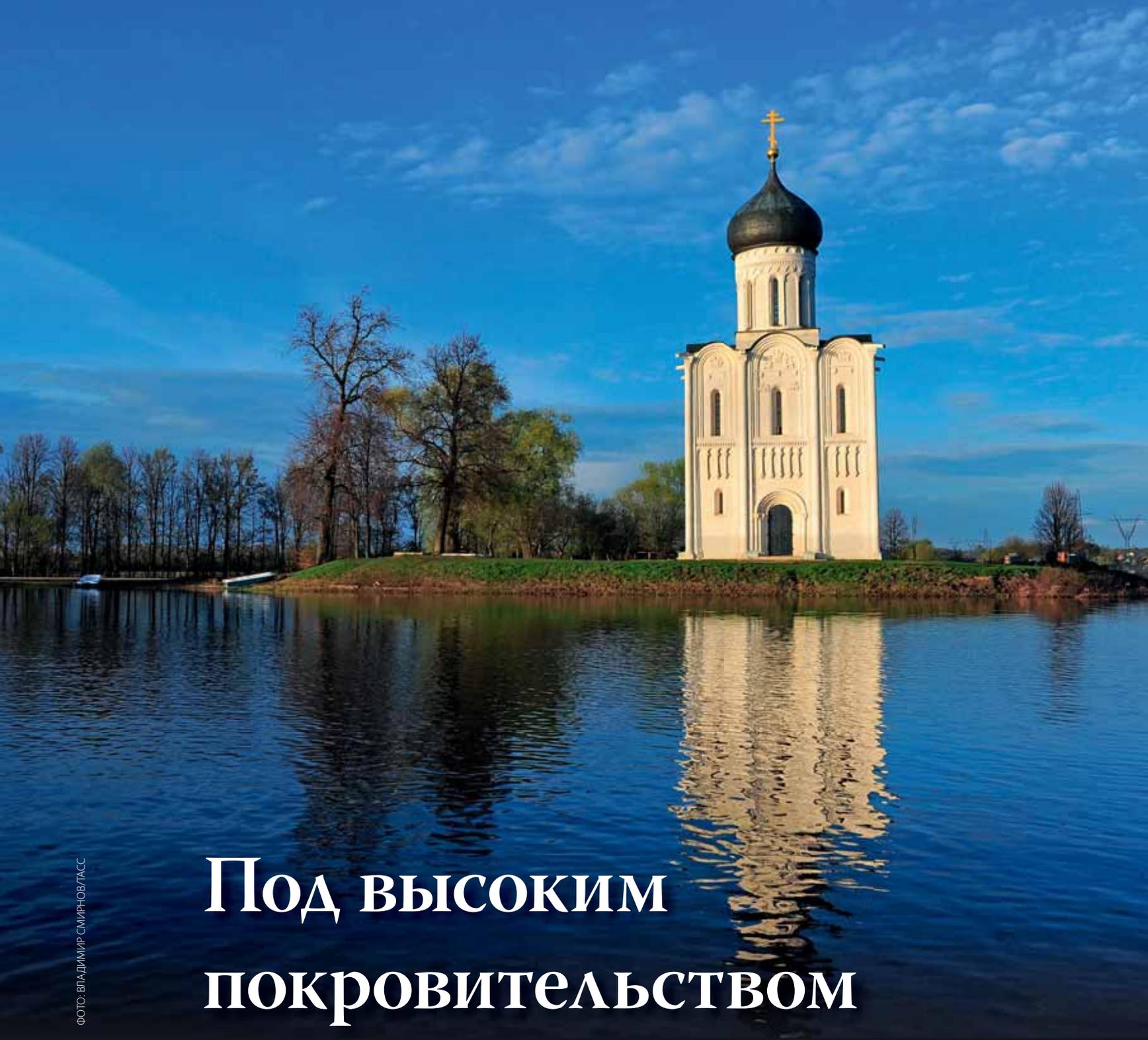

ФОТО: ВЛАДИМИР СМЕРНОВ/ТАСС

Под высоким покровительством

Покров Пресвятой Богородицы — самый что ни на есть русский праздник. Нигде этому торжеству не придают такого значения, как у нас. Ни в одной стране мира нет Покровских храмов, сопоставимых по своей культурно-исторической ценности с нашими архитектурными шедеврами вроде церкви Покрова на Нерли или Покрова на Рву, известного как собор Василия Блаженного. Матерь Божия и связанные с Ней чудеса почитаются христианами на всей планете, однако и в этом смысле Русь-Россия претендует на исключительную роль.

Храм Покрова на Нерли

В.ВАСНЕЦОВ. «КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ». ЭСКИЗ РОСПИСИ ВЛАДИМИРСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ. 1885–1893

Валерий Шамбаров

В ДАВНИЕ времена, предположительно в IX–X веках, в Константинополе жил раб-славянин Андрей. В своей горячей и искренней вере он принял подвиг юродства. Смиренно переносил голод, холод, унижения, насмешки, и Господь многое открывал ему, сподобил при жизни побывать в Царствии Небесном. А однажды город осадили враги. Жители в отчаянии собрались во Влахернском храме, молили о спасении. Блаженному Андрею дано было увидеть, как из Царских врат по воздуху вышла Сама Матерь Божия в сопровождении ангелов и святых, распростерла над молящимися свой головной покров, омофор, обещающая защиту. И действительно, враги вскоре отступили.

Предание это греческое. А какие неприятели в тот раз угрожали Константинополю, оно умалчивает. Арабы? Болгары? Могли быть и русичи Вещего Олега, подступавшие к византийской столице в начале X века в союзе с болгарами. Но праздник Покрова Пресвятой Богородицы появился не в Греции, а на Руси. Ввел

его святой благоверный князь Андрей Боголюбский. Очень необычный князь. Его роль в нашей истории, как государственной, так и церковной, до сих пор должным образом не оценена.

Он был правой рукой отца, Юрия Долгорукого, главным его помощником и в мирном строительстве, и в войнах, в борьбе за престол великого князя Киевского. Андрей Юрьевич первым осознал, насколько прогнил и разложился Киев. Город избаловался в роскоши, погряз в корыстолюбии, интригах, предательстве, клятвopеступлениях. Неоднократно советовал отцу отказаться от стольного града. И даже когда Долгорукий сел на трон, Андрей настаивал, что надо бросить Киев, вернуться в свои владения, Суздальскую землю. Обустраивать ее, развивать хозяйство. Но Долгорукий не смог этого понять. С одной стороны, величественный, пышный, богатейший Киев! Признанная столица, положение великого князя, которое он занял по закону, по полному праву. С другой — глухая окраина

державы. Ее даже Русской землей в то время не называли, именовали Залесской. Где-то далеко, за лесами. Андрей переживал, мучился. Предвидел, что добром дело не кончится. Толчком к дальнейшему послужило чудо. В Вышгороде, в монастыре, была чудотворная икона Божией Матери, по преданию, написанная святым Евангелистом Лукой, и она вдруг стала «выходить» из киота. Князь рассудил, что это знак. Сама Пресвятая Богородица хочет уехать. Взял икону, позвал всех желающих и в конце 1155 года двинулся в путь. Отец удивился, рассердился, слал приказы вернуться. Но Андрей не подчинился. По дороге, в городах и селах, совершенно разоренных бесконечными междоусобицами, люди узнавали, куда идет обоз, и многие присоединялись. Отправлялись в бескрайние леса и болота — там был мир, порядок, безопасность.

Князь принимал всех, и колонна умножалась, вытягивалась все длиннее. Сквозь снега, сквозь метели ехали воины, шагали крестьяне, ремесленники, монахи, священники, везли на санях свои нехитрые пожитки. Это был Исход Руси — в новую Землю Обетованную. А вела за собой людей Богородица — и ее верный слуга князь Андрей, которому выпала великая миссия русского Моисея. Икону везли во главе обоза, и участник событий, священник Кузьма, зафиксировал многочисленные чудеса — она помогала в походе, спасала погибающих. Икону вскоре стали называть Владимирской, потому что Сама Матерь Божия явилась князю и повелела поместить Ее образ во Владимире.

А предчувствия Андрея оправдались. В 1157 году Долгорукий был отравлен киевскими боярами. Но его сын и помощник опять поступил совершенно необычно для своей эпохи. Не стал воевать, мстить за отца. Вместо этого впервые создал подобие Земского Собора, представителей от разных городов, и реше-

нием всей своей земли принял титул великого князя. До сих пор его носил только один государь — Киевский. Отныне рождалась новая Русь, Владимиро-Суздальская.

Благодарный Андрей стал ее устроителем. Он созывал из всех краев «мизинных» — «маленьких», простых людей. На глазах разрастался Владимир. Превращался в город, не уступающий Киеву. Возводились новые стены, ворота, монастыри, знаменитый Успенский

собор. На том месте, где князю явилась Приснодева Мария, он построил личную резиденцию, Боголюбово. В глубинах Руси он первым начал устанавливать центры местной администрации — погосты. До него постоянных структур управления в здешних краях еще не было. Все князья, в том числе и его отец, считали свое пребывание на окраинах временным. Ждали возможности перебраться в более «цивилизованные» места, на

Икона «Покров Богородицы», XVIII в.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Днепр. А Пресвятая Богородица по-прежнему покровительствовала и помогала Андрею. В результате произошло великое и очевидное чудо. Всего за 5–7 лет Залесская земля, считавшаяся глухой и захудалой, превратилась в могучую, богатую и процветающую державу. Возвысилась над Киевской Русью, скатившейся в дрязги и смуты.

И сидел там князь Андрей. Правил он по-новому: сделал своей опорой не бояр, не знать, а тех же «мизинных», простой народ. Из них он сформировал и новую армию, полки «пешцев» (городской пехоты), конные дружины «милошников» — князь сам выбирал по способностям. Его войско выдержало экзамен 1 августа 1164 года. Разгромило в жестокой битве царя Волжской Булгарии. В ознаменование этой победы Андрей учредил праздник Всемилошного Спаса и Пресвятой Богородицы. Тот самый праздник, который мы с вами отмечаем и сейчас, — Медовый Спас.

Между прочим, с точки зрения Константинопольской патриархии, это было непозволительной дерзостью. Какой-то князь «варварской» Владимирской земли сам устанавливает церковный праздник. Но греческие ученые клирики и Андрей по-разному воспринимали веру. Патриархия цеплялась за букву канонических правил. А Боголюбский лично соприкасался с Небесным миром. Он был и очевидцем, и участником чудес Божией Матери, сам видел и слышал Ее, чувствовал живую Благодать. Поэтому считал себя вправе дерзать — и дерзал. Примерно в это же время он учредил еще один праздник — Покрова Пресвятой Богородицы. Неподалеку от своего Боголюбовского замка, на Нерли, он в 1165 году построил первый храм Покрова, дивный и неповторимый. Вероятно, при соавторстве великого князя Андрея были составлены памятники духовной литературы, дошедшие до нас, — первая Служба

Церковь Покрова в Кижях

ФОТО: АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

на Покров Пресвятой Богородицы, «Слово похвально на Святый Покров».

Впоследствии, задним числом, греческая церковь стала утверждать, что оба праздника, Всемилошного Спаса и Покрова, пришли на Русь из Константинополя. Но никаких подтверждений этому в современных источниках нет. Так, о византийском происхождении праздника Покрова Пахомий Логофет написал только в XV веке (без всяких ссылок и доказательств). А древних греческих икон Покрова не существует вообще. На Балканах до сих пор обнаружена лишь одна, в сербском монастыре Грачаница, но она датируется эпохой Ивана Грозного — когда к южным славянам стало проникать русское влияние. Зато на Руси Покровские храмы и монастыри широко распространились как раз с XII–XIII веков, и иконы соответствующие появились.

Здесь стоит отметить, что на отношения между Константинополем и Андреем Боголюбским наложился важный фактор, который в истории почему-то оказались затертыми. Дело в том, что византийский император Мануил

I Комнин и патриарх Константинопольский Лука Хризовберг изменили Православию, наводили мосты с римским папой Александром III и соглашались подчинить ему патриархию — ради политической поддержки. А русскую церковь, способную оказать сопротивление, Византия решила держать под полным контролем. Император помог занять киевский престол своему ставленнику Мстиславу Волынскому. Из патриархии прислали в Киев митрополита Константина II, он принялся под разными предлогами смещать русских епископов и священников, заменять греками. В нашей стране, в отличие от Византии, было принято смягчать посты по средам и пятницам, если они совпадали с большими праздниками. Эту мелочь объявили «ересью», за такой «грех» митрополит отлучил от церкви Киево-Печерский монастырь и его настоятеля, преподобного Поликарпа.

А к Боголюбскому направили епископом грека Леона, шпиона, начавшего плести заговоры. Князь выгнал его, просил поставить епископом своего помощника в духовных делах священника Феодора. Через некоторое время от Андрея

Ковчег с частицами Ризы и Покрова Пресвятой Богородицы в Высоко-Петровском монастыре

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

под угрозой отлучения потребовали принять Леона, а Феодора прислать на суд к митрополиту. Священника обвинили в «ереси», «самозванстве», даже «хуле на Пресвятую Богородицу». Вполне вероятно, что среди обвинений было и введение новых праздников. Феодора предали мучительной казни.

С подвижниками расправлялись и отлучали их, а в это же время, в начале 1169 года, в Киев прибыла делегация из Ватикана. Великий киевский князь Мстислав и митрополит Константин пышно встретили ее, повели переговоры о союзе с папой. Очевидно, и об унии тоже. Однако заключить альянс им не позволили — вдруг посыпались известия, что на Киев идет войско Боголюбского. Даже на убийство отца он не отреагировал войной, а поругания веры не стерпел. Именно тогда, 8 марта 1169 года, Киев впервые был взят штурмом, отдан на трехдневное разграбление. Впрочем, не весь. Печерский монастырь и дома некоторых граждан владимирские воеводы взяли под охрану. Зато митрополичьи соборы — Софийский и Десятинный — считали оскверненными. Из них

забрали все святыни, иконы, утварь, книги. Кстати, даже киевский летописец признавал, что старая столица была наказана справедливо, за грехи ее правителей, жителей и «митрополичью неправду».

Ну а праздник Покрова стал одним из самых любимых на Руси. Ведь и впрямь время было тяжелое, полное опасностей. Заступничество и покровительство Божией Матери требовалось людям ох как часто. Этот праздник соединился и со славянскими дохристианскими обычаями первой встречи зимы. Как раз осенью, к октябрю, завершался цикл полевых работ, урожай убран, закрома полны. Поэтому Покров получался самым лучшим временем для сватовства и свадеб. Девушки, ставя свечку на праздничной службе, нашептывали «самодеятельную» молитву — возможно, переродившуюся из какого-то древнего заговора: «Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком».

День Покрова Пресвятой Богородицы приобрел новое содержание в 1552 году, когда на этот праздник царь Иван Грозный взял Казань. Москву украсил велико-

лепный Покровский собор (храм Василия Блаженного). А первыми в Казань ворвались казаки, и Покров стал особым праздником казачества. В данном качестве он еще раз утвердился в 1641 году, во время Азовского сидения. В ночь на Покров, помолившись Пречистой, уцелевшие и измученные в осаде казаки пошли на прорыв. Кому-то из них было видение — как Мать Божия благословляет их, идет впереди. И землю покрыл густой туман, замаскировав их отчаянную атаку. А осаждавшая турецкая армия неожиданно бежала прочь, и воодушевленные казаки бросились в погоню, громя неприятеля.

Да, Покров Пресвятой Богородицы и сейчас очень почитается в России. И храмы в его честь освящаются, и иконы пишутся. И казаки свои круги проводят, и девушки о женихах молят, и свадьбы играют. Но вот только до сих пор нет ответа на один вопрос: по какой же причине святой благоверный князь Андрей Боголюбский установил этот праздник? Летописи в данном отношении хранят молчание.

Исследователи строят предположения, что праздник был учрежден одновременно с Медовым Спасом после победы над булгарами — в благодарность Божией Матери за покровительство в сражении. Хотя можно выдвинуть и другую гипотезу, на которую почему-то никто еще не обратил внимания. Дата праздника, 14 (1) октября, приурочена к чествованию константинопольского юродивого, святого раба-славянина Андрея — 15 (2) октября. Но мы не знаем, когда родился и был крещен Андрей Боголюбский. Вовсе не исключено, что блаженный Андрей был небесным покровителем великого князя. Защитника веры православной и устроителя новой державы — нашей Руси-России. Эту державу Андрей Боголюбский и передал под покровительство Пресвятой Богородицы.

Имена и даты

2 октября

215 лет назад состоялся первый полет на воздушном шаре над Москвой

ГОД 1803-й выдался чрезвычайно богатым на события, связанные с воздухоплаванием в нашей стране. В мае запуски монгольфьера проводил «гимнастический художник» Александр Терци — полеты над Первопрестольной осуществлялись в «беспилотном» режиме. А уже летом бесстрашный француз Андре Жак Гарнерен (он, помимо всего прочего, совершил в конце XVIII столетия первый в мире прыжок с парашютом) дважды поднимался на воздушном шаре над Петербургом: сначала — в компании с супругой, затем — вдвоем с русским генералом, героем Очакова Сергеем Львовым.

Третье воздушное путешествие Гарнерена в России анонсировалось в «Московских ведомостях»: «Опыт происходить будет... в казарме полицейских драгун на Крутицах, близ Новоспасского монастыря. Шар напол-

Слушательницы и преподаватели Бестужевских курсов

нен будет горячим воздухом поутру; к нему привешена будет лодочка, в которую г-н Гарнерен сядет... и наперед представит разные воздушные эволюции с шаром, канатом прикрепленным, которые кончатся возвышением шара, по отсечении канатов с г-м Гарнереном и с товарищем, ежели оный случится».

В некоторых современных изданиях указывается, что француз в тот раз взмыл над Москвой на пару с легендарной Прасковьей Гагариной. Эта информация неточна: первая русская воздухоплавательница поднялась ввысь на монгольфьере несколько позже — в мае 1804-го.

2 октября

140 лет назад в Петербурге были открыты Высшие женские курсы

НАЗВАННЫЕ Бестужевскими — по имени официального учредителя и руководителя, профессора истории Константина Бестужева-Рюмина, — эти курсы фактически стали

первым женским университетом в России. Прежде дамы, желавшие получить высшее образование, были вынуждены учиться за границей.

Учебное заведение включало в себя два отделения: словесно-историческое и физико-математическое. В 1906 году появилось третье — юридическое. Почти по всем предметам велись практические занятия, а в преподаватели приглашались лучшие профессора столичных вузов. Более всего востребованы были гуманитарные дисциплины: логика, психология, история древней и новой философии, богословие, теория эмпирического познания, литературоведение, русский и иностранные языки.

Выпускницы избирали для себя в основном преподавательскую стезю. Кстати, в толковом словаре начала XX века указывались два значения слова «бестужевка»: «слушательница курсов, открытых Бестужевым», а также «идеалистка».

В 1918-м курсы были преобразованы в Третий Петроградский университет, включенный в сентябре сле-

дующего года в состав Петроградского государственного университета.

3 октября

145 лет со дня рождения Вячеслава Шишкова

БУДУЩИЙ писатель родился в семье мелкого лавочника Якова Дмитриевича Шишкова. «Дед мой со стороны отца, — писал Шишков в автобиографии, — помещик Бежецкого уезда Дмитрий Алексеевич Шишков, а бабушка — его крепостная крестьянка села «Шишковой Дубровы» Елизавета Даниловна». В 1880 году начал учиться в частном пансионе, но через год из-за финансовых трудностей перешел в 1-й класс Бежецкого городского 6-классного училища. Окончив с отличием учебу, поступил в Вышневолоцкое техническое строительное училище. Начальник училища Шереметинский вспоминал: «Прекрасный, редких способностей человек, с хорошим, добрым сердцем, такие редко встречаются в жизни...»

Выдержав экзамен на право самостоятельного производства инженерных работ, Шишков, увлеченный идеей исследования далеких сибирских земель, уехал за Урал. В течение двух десятков лет возглавлял экспедиции на реки Иртыш, Обь, Бия, Катунь, Енисей, Чулым, Лена, Нижняя Тунгуска, Ангара.

«Благодаря моей специальности мне довелось жить долгое время бок о бок с простым людом, нередко в одной палатке и питаться из одного котла. Я вплотную изучал жизнь народа, а для писателя — это клад. Народная душа, простой, сочный, образный язык, быт и бытие. Чего же больше!» — отмечал Вячеслав Яковлевич в автобиографии.

Первую свою повесть «Волчье логово» — о разбойничьей жизни — он сочинил в 12 лет. Однако активную литературную деятельность начал уже зрелым человеком. Когда переехал в Петроград, писал о Сибири, сочетая реалистическое изображение быта с фольклорной образностью.

«Угрюм-река» — та вещь, ради которой я родился», — говорил писатель. Это первое историческое полотно жизни дореволюционной Сибири, роман о трех поколениях русских купцов. В центре повествования — история Прохора Громова, энергичного предпринимателя, мечтавшего покорить-завоевать огромный край.

В годы Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде Шишков читал на радио, публиковался во фронтовых газетах, выступал в госпиталях. И создавал трехтомную историческую эпопею «Емельян Пугачев», увы, так и оставшуюся незавершенной.

4 октября

165 лет назад Сахалин вошел в состав России

СЛАВА адмирала Геннадия Невельского была и, увы, остается не вполне адекватной величине его вклада в дело имперского строительства России. Имя этого великого моряка широко известно, пожалуй, лишь в дальневосточных регионах страны. А ведь именно ему держава обязана восточной окраиной по Амуру и островом Сахалин.

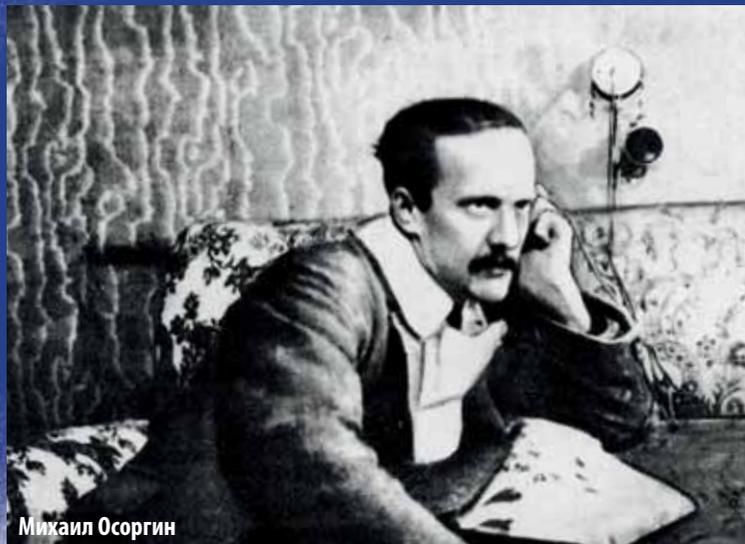
Присоединением территорий Геннадий Иванович занимался, как правило, вопреки инструкциям и предписаниям петербургской бюрократии, на свой страх и риск. По поводу его подвигов Николай I произнес фразу, позже ставшую крылатой: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен».

Б. Кустодиев. «Портрет В.Я. Шишкова»

В. Шиляев. «Сахалин наш!»

Михаил Осоргин

Осенью 1853 года капитан первого ранга Невельской с корабля, носившего имя его венценосного шефа, высадился на юго-западном побережье Сахалина. Офицер собрал старейшин коренных жителей — айнов и объявил им, что отныне остров будет частью Российской империи. С тех пор принадлежность этих земель ни у кого сомнений не вызывает.

Правда, в течение четырех десятилетий — по итогам Русско-японской войны — половина Сахалина принадлежала микадо, но затем статус острова был благополучно восстановлен.

19 октября

140 лет со дня рождения Михаила Осоргина

«**М**ЕЧТАЕМОЙ дорогой» было для него писательство. С гимназических лет он публиковался в газетах, а позже, в очерке «Девятьсот пятый год», вспоминал, что в его квартире встречались революционеры, хранились типографский шрифт и оружие. Осоргина арестовали, полгода просидел в Таганской тюрьме, чудом был отпущен под залог. Оказавшись на свободе, он перебрался в Финляндию, затем — в Италию, где стал зарубежным корреспондентом «Русских ведомостей». Заявил о себе как писатель — в журнале «Русский вестник» печатались его рассказы.

Вернулся на Родину незадолго до Февральской революции. Ее принял, а Октябрь отверг и этого не скрывал.

Михаила Андреевича несколько раз арестовывали, а в 1922-м выслали в Германию — вместе с десятками оппозиционно настроенных представителей интеллигенции, среди которых оказались Николай Бердяев, Иван Ильин, Питирим Сорокин, Николай Лосский. Та известная акция получила название «философский пароход». «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно», — заявлял председатель Революционного военного совета Лев Троцкий.

Медаль «Собой подала пример», отчеканенная в честь годовщины прививки от оспы, сделанной Екатерине II и цесаревичу Павлу

В эмиграции Михаил Осоргин опубликовал свои лучшие книги: «Сивцев Вражек», «Повесть о сестре», «Свидетель истории», «Чудо на озере», сборник рассказов «Там, где был счастлив», воспоминания «Времена».

23 октября

250 лет назад Екатерине II первой в России сделали прививку против оспы

ЭТОТ день считается началом оспопрививания в нашей стране. В Петербурге в 1768-м случилась эпидемия, больничные палаты оказались переполнены. В народе эта болезнь вызвала суеверный страх. Известно, что когда в 1774 году скончался от оспы король Франции Людовик XV, русская царица посетовала: умирать-де от такой болезни в просвещенном XVIII веке — варварство. Императрица, всегда ратовавшая за гигиену и профессиональную медицину, решила победить напасть современными средствами, с помощью прививки. Самодержица понимала, что в подобной ситуации лучше всего подать личный пример, и начала кампанию прививок с опытов на себе и наследнике престола.

Знаменитый англичанин, доктор Томас Димсдейл, вначале попрактиковался на кадетях. Потом взял бациллы оспы у больного мальчика Саши Маркова и привил ее просвещенной государыне. Все прошло безукоризненно, через месяц Екатерина и ее сын Павел чувствовали себя бодро. На радостях в Петербурге поставили балет «Побежденное предраассуждение», в котором действующими лицами были Минерва, Гений науки, Рутения, Суеверие и Невежество. В дальнейшем прививание оспы в России стало массовой практикой, и страшную болезнь практически удалось победить.

Не забыли и про хворавшего прежде Сашу. Он получил дворянство и вторую фамилию — Оспенный. На его гербе геральдисты изобразили руку, а на ней «выше локтя зре-

люю оспину в природном виде». Кроме того, на содержание мальчика в банк «для приращения процентов» до его совершеннолетия положили три тысячи рублей. Позже он поступил в Пажеский корпус. Императрица частенько посылала ему дорогие подарки.

26 октября

120 лет назад открылся Московский Художественно-общедоступный театр

ПЕРВОЙ постановкой стала трагедия Алексея Константиновича Толстого «Царь Федор Иоаннович». Двумя днями ранее пьеса была показана в Петербурге, в Малом («Суворинском») театре, и была довольно высоко оценена как зрителями, так и критиками. Заглавную роль там сыграл Павел Орленев, в чьем исполнении последний царь из рода Рюриковичей предстал таким экзальтированным неврастеником.

Образы, предложенные московскими постановщиками и актерами (в роли Федора Иоанновича — Иван Москвин), заметно отличались от питерских — более верным прочтением литературной первоосновы и традиционалистским взглядом на отечественную историю.

«В «Царе Федоре» главное действующее лицо — народ, страдающий народ... И страшно добрый, желающий ему добра царь», — эта трактовка Константина Станиславского вкупе с талантливой режиссурой и превосходной игрой его труппы снискали не меньший успех, нежели спектакли, поставленные по этой пьесе в Санкт-Петербурге.

Менее чем через два месяца на сцене Художественно-общедоступного пройдет легендарная «Чайка». С тех пор высочайшее качество чеховской драматургии и нацио-

нальное значение МХТ станут для поклонников театра вполне очевидными.

28 октября

190 лет со дня рождения Николая Страхова

«**С**ДЕТСТВА я был воспитан в чувствах безграничного патриотизма, я рос вдали от столиц, и Россия всегда являлась мне страной, исполненной великих сил, окруженную несравненно славой: первую страну в мире, так что я в точном смысле благодарил Бога за то, что родился русским», — рассказывал о себе выдающийся критик, философ, публицист Николай Страхов.

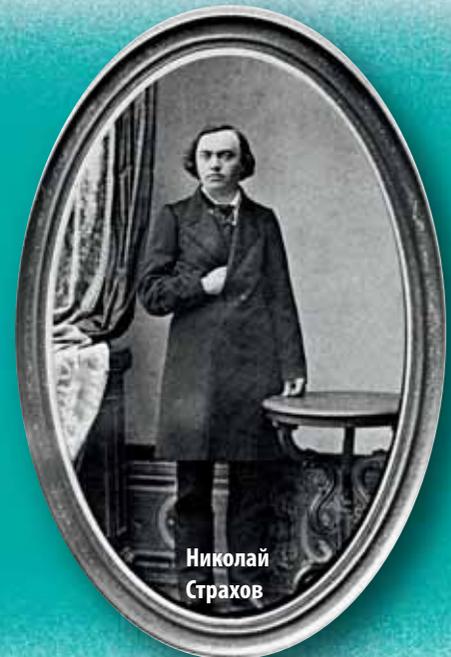
В молодости он показал завидные способности к точным и естественным наукам, однако избрал стезю литератора и философа. Как отмечал Василий Розанов, Николай Николаевич отличался исключительной чуткостью ко всякому новому и талантливому слову в литературе и общественно-политической мысли, а также редким умением отделять в истории русской литературы вечные ценности от преходящих. Этот критик одним из первых дал высокую оценку романам Льва Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина».

Широкую известность приобрел труд Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе», в котором разоблачалось пресловутое царство рационализма. «Определенного идеала развития, твердого сознания целей нет в Европе, и она мечется... она приходит к сознанию, что вовсе потеряла дорогу», — утверждал мыслитель. В своих статьях он боролся за возвращение русского сознания к родной почве, народу, противопоставлял иностранному «просвещенству» яркую самобытность отечественной культуры.

Сцена из спектакля «Царь Федор Иоаннович». 1898

ФОТО: РИА НОВОСТИ

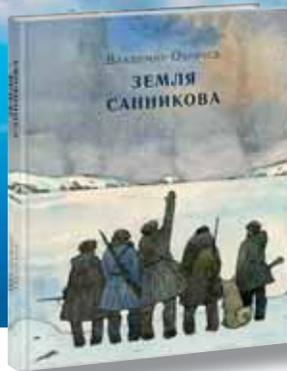
Николай
Страхов

ФОТО: МИХАИЛ ФИЛИМОНОВ/РИА НОВОСТИ

Русская Евразия

ФОТО: PHOTOXPRESS

Таинственный остров

Елена Мачульская

Стаи птиц летят на север, туда, где, по всем известным картам, нет никакой земли. Но ведь не на льдинах же они вьют гнезда и выводят птенцов. Примерно так рассуждает главный герой популярного советского киношедевра, и вот уже стройный парусник скользит по волнам студеного моря, направляясь в неизвестность...

Снятая 45 лет назад на «Мосфильме» пронзительно-романтическая «Земля Санникова» по мотивам одноименной книги Владимира Обручева, со дня рождения которого 10 октября исполняется 155 лет, многих наших мальчишек с детства подружила или даже обручила с Севером. Очень долго искали легендарную Землю русские мореплаватели и полярные исследователи, околдованные зовом неведомого, волнующе таинственного.

Зачем по Земле идешь, человек?

«Эх, человек, человек... Чего тебе дома не сидится? Зачем по Земле идешь, человек? Зачем вся жизнь твоя в дороге?» — недоумевает чукотский охотник, нашедший в снежной пустыне Александра Ильина. Ответ прост и звучит там же, в фильме, а точнее, в песне, написанной специально для него: «Вечный покой сердце вряд ли обрадует, вечный покой для седых пирамид...»

Сказочный, покрытый нежной зеленью край в кольце гор посреди ледяной пустыни влек, завораживал знаменитых путешественников издавна. А первым из них увидел на горизонте загадочный остров якут-промысловик Яков Санников. Он служил старшиной артели добытчиков пушнины у купцов Сыроватских. Этот удивительно смелый и любознательный человек жизнь проводил в странствиях по просторам Арктики, по тем местам, где прежде не ступала нога человека. Родное дитя Севера, он не боялся ни одиночества, ни морозов с пургой, бесстрашно шел вперед и вперед, к далеким, первозданно диким берегам.

В 1800 году Санников перебрался с материка на остров Столбовой, а через пять лет ступил на неизведанную ранее территорию, которая позже стала называться Фаддеевским островом.

Еще через три года на побережье моря Лаптевых прибыл Матвей Геденштрот, получивший от министра иностранных дел и коммерции графа Николая Румянцева поручение исследовать северные земли. Тот предвидел неизбежность столкновения интересов России и Англии в полярных районах и решил укрепить международные позиции нашей страны. Геденштрот познакомился с любознательным якутом, и последний вскоре стал его правой рукой.

В 1810-м Санников участвовал в первой официальной русской экспедиции на Новосибирские острова. Именно тогда он приметил доселе неизвестный участок суши. «На северо-запад, в примерном расстоянии 70 верст, видны высокие каменные горы», — записал с его слов Матвей Геденштрот. И на карте, составленной в следующем году, обозначилась пунктиром «Земля, виденная Санниковым».

Новосибирские острова находятся в краях чрезвычайно суровых. Даже в теплые годы океан там доступен для навигации всего два-три месяца. В XIX веке до загадочной земли пробовали добраться на собачьих упряжках. Одну из таких попыток предпринял и Санников, но ему помешали полыньи и торосы.

В 1820-е на поиски таинственного острова отправился Петр Анжу. Он вышел к точке, с которой обнаружил свою Землю якутский первопроходец, однако, несмотря на чистый горизонт и отличную оптику, не увидел ничего, кроме ровной ледяной глади. Два дня экспедиция Анжу тщетно двигалась на северо-запад,

В. Обручев с сыновьями у карты с маршрутами его экспедиций. 1953

ФОТО: РИА НОВОСТИ

и в итоге Петр Федорович пришел к выводу: Санников видел «туман, похожий на землю».

Толль на выдумки хитер

Об острове-призраке забыли больше чем на полвека, до тех пор, пока американец Джордж Де-Лонг не открыл в 1881 году северо-восточнее Новосибирских островов небольшой архипелаг, названный впоследствии его именем. Земля Санникова вновь отняла покой у любителей неизведанного. Даже российский самодержец не остался в стороне. На одном из выпусков Морского корпуса император Александр III заявил: «Кто откроет эту землю-невидимку, тому и принадлежать будет. Дерзайте, мичмана!»

В 1885-м Академия наук организует первую научно-исследовательскую экспедицию по изучению Новосибирских островов. Ее руководителем назначается знаменитый ученый-полярник Александр Бунге, а его помощником становится молодой русский геолог немецкого происхождения барон Эдуард Толль.

В августе 1886-го, в солнечный день, 28-летний исследователь видит с берега «ясные контуры четырех столовых гор, которые на востоке соединились с низменной землей». Не смутное видение, не туманное марево — вполне реалистичная картина, открывшаяся Толлю, была настолько четкой, что он не только определил расстояние до каменистой гряды (около 150 верст), но и заключил, что горы сложены ступенчатыми массивами, подобно рельефу Земли Франца-Иосифа. Отныне таинственный остров волнует его

Шхуна «Заря»

Якутский купец Я. Санников

так же, как героя всеми любимого советского кинофильма.

Через семь лет барон вновь отправляется на север по поручению Академии наук. Само собой, решает еще раз посетить Новосибирские острова. Опять видит на горизонте манящую полоску гор и далее уже не сомневается в существовании Арктиды, полярного континента, побережье которого, по его мнению, как раз и наблюдал Яков Санников.

В Академии Толль горячо пропагандирует идею экспедиции для открытия загадочной земли, с сожалением отмечая, что американцы и скандинавы заняли нишу арктических первопроходцев. Решение об организации русского полярного похода наконец-то принимается. Вызвавшее большой энтузиазм по всей стране предприятие, помимо государственных ассигнований, получает поддержку от состоятельных граждан. Среди них — внук первооткрывателя, потомственный почетный инородец Яков Санников.

Для экспедиции по совету Фритьофа Нансена покупается норвежское китобойное судно, подобное знаменитому «Фраму». В начале лета 1900-го шхуна «Заря» отчаливает от пристани на Неве. Но уже в сентябре путь преграждают арктические льды — в том же самом месте, где когда-то был остановлен торосами «Фрам». И только почти через год после выхода из Петербурга «Заря» достигает намеченного района. «Малые глубины говорят о близости земли, — записывает Толль в дневнике, — но до настоящего времени ее не видно».

А дальше путь вновь закрыт. Судно встает на зимовку у западного берега острова Котельного, функционирует как стационарная метеорологическая и геофизическая станция. Весной следующего года корабль все-таки подходит к Новосибирским островам. Но ле-

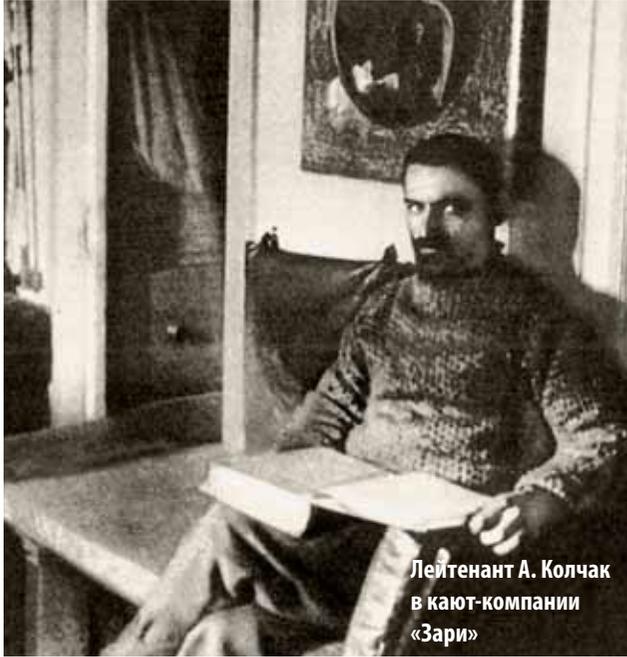

Кадр из фильма «Земля Санникова»

дяные поля не позволяют подобраться к самому нужному из них — Беннетта, откуда должен открываться вид на искомую Землю.

К началу календарного лета 1902 года барон Толль осознает: ждать больше нечего, запасы угля невелики, а море по-прежнему сковано льдом. В сопровождении астронома Фридриха Зееберга, двух охотников-промысловиков Василия Горохова и Николая Дьяконова исследователь идет на остров Беннетта на лыжах. Через два месяца «Заря» должна будет снять их с острова, но ее не пустят гигантские льдины. После трех неудачных попыток пробиться она уйдет в Тикси — таков приказ Эдуарда Толля, оставленный командиру судна: «Предел времени, когда Вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова Беннетта, определяется тем моментом, когда на «Заре» будет израсходован весь запас топлива до 15 тонн угля»...

Шхуна возвратилась в Петербург. Там стали немедленно организовывать спасательную команду. Идею повторно идти к острову Беннетта на «Заре» отвергли: корабль мог застрять во льдах. Отправить туда ледокол «Ермак» также сочли делом бесперспективным —

Лейтенант А. Колчак
в кают-компани
«Зари»

из-за слишком большой осадки. И тогда молодой лейтенант Александр Колчак, бывший в экспедиции Толля гидрографом, предложил двигаться к Новосибирским островам по льду на санях, а дальше, к острову Беннетта — на вельботе: «Если прошел Де-Лонг, пройдем и мы!». Для своего опасного путешествия смельчак завербовал охотников-поморов. От Новосибирских островов шел на утлом суденышке то на веслах, то под парусами, в тумане лавируя среди ледяных глыб. Снег шел, не переставая, вымачивал людей хуже любого дождя, заставлял мерзнуть сильнее, чем в самый лютейший мороз на суше...

Непонятно, как в таких условиях лейтенант-гидрограф находил возможность для научных наблюдений, однако тогда он открыл существование пресного льда под слоем морской воды. Объяснение этой научной находке даст позже, в своей знаменитой монографии «Лед Карского и Сибирского морей».

На острове Беннетта спасателям удалось найти стоянку Толля, его дневники и ценнейшие исследовательские материалы, а также записку, которая заканчивалась словами: «Отправляемся сегодня на юг. Провизии имеем на 14–20 дней». На Новосибирских островах следов группы отважного барона обнаружить не удалось. И стало ясно, что Эдуард Толль и его спутники сгинули в ледяной пустыне.

Колчак-Полярный и ледокол «Садко»

На большой земле в поселке Казачьем спасательную экспедицию ожидала красивая, элегантная дама, прежде выславшая путешественникам провизию и вино. Это была невеста лейтенанта Колчака Софья Омирова. Она рассказала, что в столице на благоприятный исход безумного предприятия почти не надеялись.

Тем не менее семимесячный поход с 90-дневным арктическим санно-шлюпочным переходом завершился без потерь. Занимаясь поиском группы Толля, Колчак открыл и описал ранее неизвестные географические объекты, уточнил очертания линии берегов. Храброго офицера с тех пор стали неофициально именовать Колчак-Полярный.

Надежду найти Землю Санникова в ту пору окончательно не похоронили, и даже когда времена изменились до неузнаваемости, а на месте Российской империи образовался Советский Союз, с мечтой о полярном чудо-острове не расстались. Не оставлял ее и геолог, писатель Владимир Обручев. В начале XX столетия ему довелось работать в экспедиции на севере Якутии. Там он услышал от местных жителей о загадочной теплой земле, лежащей далеко в Ледовитом океане. В 1922 году Обручев взялся за написание научно-фантастического романа об удивительной terra incognita, где нашло себе приют исчезнувшее племя онкилонов.

Начинается это произведение рассказом о заседании Императорского Русского географического общества, и там звучит доклад об экспедиции, «снаряженной для поисков пропавшего без вести Толля и его спутников», причем из уст «морского офицера, совершившего смелое плавание в вельботе через Ледовитое море». Имя моряка по понятным причинам не называется.

Завершается книга прямым обращением к читателям: «Может быть, она возбудит интерес к таинственной Земле Санникова в ком-нибудь из нового поколения и побудит отправиться на поиски ее среди ледяных просторов Северного моря».

Поиски продолжились. Сначала советский ледокол «Садко» обошел в 1937-м место предполагаемого острова со всех сторон — кроме льда, ничего обнаружено не было. Потом по просьбе академика Обручева в район направлялись самолеты арктической авиации. И стало ясно — Земли Санникова все-таки не существует...

Мираж? Не обязательно. Много позже в Арктическом институте высказали мысль: нечто похожее на виденное полярниками когда-то, вероятно, существовало. Но растаяло, растворилось, поскольку внизу находилось ископаемый лед. На Севере подобное случается. Из 11 островов Новосибирского архипелага, зарегистрированных в 1815 году, осталось только 7, остальные постепенно уменьшались в размерах и в итоге исчезли.

Призрачная земля послужила причиной множества открытий. Адмирал Степан Макаров однажды справедливо заметил: «Все полярные экспедиции... в смысле достижения цели были неудачны, но если мы что-нибудь знаем о Ледовитом океане, то благодаря этим неудачным экспедициям».

И что с того, что Земля Санникова оказалась фатаморганой? «Призрачно все в этом мире бушующем»... Кроме отважных свершений, что навсегда остаются в памяти народной.

Андрей Самохин

Его возникновение в древней Тавриде было парадоксальным: де-факто он стал последним, двенадцатым высшим учебным заведением старой России, когда уже сама империя перестала существовать, де-юре — первым вузом, появившимся в стране после Февральского и Октябрьского переворотов. В дальнейшем он сменил пять наименований и пережил шесть метаморфоз государственной власти. Крымский университет создавали лучшие умы нашей дореволюционной интеллигенции, а позже из его стен вышли гениальные творцы советской научно-технической цивилизации.

Соломоново решение

Назовем таких корифеев, как архитектор атомного проекта Игорь Курчатов, его ближайший сподвижник, главный конструктор Уральского ядерного центра Кирилл Щелкин, отец советской физики Абрам Иоффе, выдающиеся биохимики Владимир и Александр Палладины, крупнейший специалист по радиационной защите Глеб Франк...

Впрочем, и среди основателей Крымского университета были великие ученые, послужившие таким живым мостом меж двумя эпохами: всемирно известный академик Владимир Вернадский, а также классик геологии, автор «Земли Санникова» Владимир Обручев.

Идея открыть на полуострове университет пришла в голову еще Екатерине II — после исторического путешествия в полуденный край в 1780-е. Предполагалось, что тут появится Медико-хирургическая академия. Намерение императрицы поддержали именитые академики, однако финансовых средств, а главное, мотивации у правительства на это не хватило.

В начале прошлого столетия Крым являлся уже не только всероссийской здравницей для высшего и среднего классов общества, но и местом интенсивной научной жизни.

Поэтому озвученное 15 августа 1916-го предложение Соломона Крыма (видного деятеля Таврического губернского земства, будущего премьер-министра здешнего правительства) организовать вуз упало на подготовленную почву. Несмотря на Гражданскую войну, земцы единогласно поддержали инициативу, ассигновав на благое дело миллион рублей. Великий русский физиолог Иван Павлов данное начинание приветствовал весьма горячо: «Естественный факультет в Крыму, среди тамошней природы и при уже существующих разнообразных учреждениях, представляется мне прямо идеальным». Но Петроград не утвердил местный законопроект, отодвинув решение до лучших времен.

Затем грянула Февральская революция, пала монархия. В конце 1917-го Киевский университет Св. Владимира намеревался открыть в Ялте свой филиал, отправляя

туда научных сотрудников, присматривал помещения Ливадийского дворца. В ситуации многовластия Совета народных представителей, татарского курултая и большевиков последние с помощью кораблей ЧФ одержали временную победу. В канун открытия филиала в Крым, прогнав красных, вошли немецкие войска.

В конце лета 1918-го краевое правительство решило учредить собственное высшее учебное заведение без всякого Киева — с пятью факультетами: историко-филологическим, физико-математическим, юридическим, медицинским и аграрным. Постановило разместить их в зданиях военного госпиталя, женского епархиального училища, духовной семинарии и в ряде частных домов. И вот, в разгар Гражданской, в симферопольском театре Таврического дворянства на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, 14 октября 1918 года, был торжест-

венно открыт долгожданный университет.

Первым ректором стал известный киевский врач Роман Гельвиц, избранный также деканом медицинского факультета и профессором анатомии. Он же создал и первую научную библиотеку вуза. «Таврический университет как храм науки с сегодняшнего дня должен зажечься ярким светом истины, он должен стать светильником знания, постоянно и ярко горящим», — сказал Гельвиц на торжественном собрании. «Светить», однако, предстояло в сгущающейся тьме междоусобной войны, голода и холода.

В апреле 1919-го на полуостров вошли части Красной армии, возникла Крымская ССР во главе с братом Ленина Дмитрием Ульяновым, когда-то служившим в Тавриде доктором и согласившимся стать и.о. главы республики.

**ЗДЕСЬ, В ПОМЕЩЕНИИ
БЫВШЕГО ТЕАТРА
ТАВРИЧЕСКОГО ДВОРЯНСТВА,
14 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА
СОСТОЯЛОСЬ ТОРЖЕСТВЕННОЕ
ОТКРЫТИЕ ТАВРИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФОТО: ЕЛАНЧУКРИА НОВОСТИ

И. Курчатов (справа) с коллегами

Период «второго большевизма» продлился всего 75 дней. При этом из Севастополя на греческом судне «Надежда» вынуждены были бежать от красных не только члены краевого правительства (в том числе Соломон Крым и министр юстиции, известный кадет Владимир Набоков, отец будущего знаменитого писателя), но и некоторые университетские кадры. Кто-то — навсегда, как, например, профессор зоологии Сергей Метальников, уже тогда считавшийся светилом, один из пионеров мировой психонейроиммунологии.

Белой армии оплот

Вуз ждали новые суровые испытания. Когда части Добровольческой армии под командованием Антона Деникина выбили большевиков, Таврическому университету потребовалась новая «легализация». Группа ялтинских профессоров во главе с Гельвигом добилась аудиенции у главкома в его ставке. Проблема осложнялась тем, что белые не признавали высших учебных заведений, возникших после Октября 1917-го. Да и денег на всякие научные «излишества» у воюющих обычно не водится. Тем не менее

Антон Иванович неожиданно тепло отнесся к просьбе крымчан, признав Таврический двенадцатым российским университетом, распорядился выделить средства на его содержание. За это вскоре был избран почетным членом вуза.

Пожар Гражданской разгорался все сильнее: голод, беззакония, крайняя нищета и озверение захватывали поверженную страну. Пытаюсь спасти, жители столицы и центральных губерний, включая деятелей искусства, ученых, бежали в Крым — туда, где у теплого моря, в стране щедрых садов и полей, под защитой доблестных добровольцев, казалось, можно пережить ужасы революции.

В столичном Симферополе в 1919-м еще протекала бурная творческая жизнь. Читал свои рассказы с подмостков Аркадий Аверченко, пели Леонид Собинов и Александр Вертинский, блистали в постановках Василий Качалов и Ольга Книппер-Чехова. Максимилиан Волошин устраивал публичные лекции. А в университете собрался цвет русской науки: четыре академика, 107 видных профессоров. Однако ситуация на фронтах для белых постепенно ухудшалась: доб-

ровольцы откатывались на восток и на юг, собираясь в Крыму как на последнем уцелевшем посреди шторма и бури дредноуте. Тем временем призрак голода и всеобщей беды стремительно надвигался. Деникин в конце марта 1920-го отправился за границу, назначив главнокомандующим Петра Врангеля. Газета «Крымский вестник» сообщала: «...Скопилось много ученых-беженцев. Среди них немало людей с крупными европейскими именами. С 1 мая все они лишены содержания, и некоторые из них уже принуждены продавать бублики, спички и т.п.». Чтобы спасти их от голодной смерти, ректор Роман Гельвиг поднял вопрос о необходимости причисления всех к Таврическому университету.

2 октября Роман Иванович умер от сыпного тифа. В день его похорон в Симферополе приспустили флаги. Спустя неделю на должность ректора был избран Владимир Вернадский.

В тот момент Владимир Иванович еще не представлял, с чем ему вскоре придется столкнуться. В обстановке нарастающего хаоса надо было спасать от гибели не только уникальные книжные собрания в усадьбах и на биостанции Аскании-Нова, но главным образом — людей. Он ходатайствовал перед Врангелем о поддержке вуза. Пригодилось и то, что сын академика Георгий, будучи приват-доцентом Таврического университета, служил завотделом печати в правительстве Юга России.

Интересное свидетельство об их отношениях и ситуации на полуострове содержится в заметке газеты «Таврический голос» от 21 февраля 1920 года: «Тяжело заболел находящийся в Ялте известный минералог академик проф. Вернадский. Сын его — проф. истории Таврического университета Г.В. Вернадский — немедленно по получении известия о болезни отца отправился в Ялту. Ввиду совершенно безумных цен за проезд из Симферополя в Ялту,

доступных лишь для спекулянтов, он пошел пешком, несмотря на холода и опасности одинокого путешествия, через горы. Редкий и поучительный для нашего времени пример».

Все больший интерес у широкой публики вызывали в тот период заседания Религиозно-философского общества в Симферополе, особенно — выступления профессора Таврического университета о. Сергия Булгакова. Настоящим ажиотажем с восторгами и резкой критикой был встречен его доклад «Духовные корни большевизма».

Очень скоро слушатели подобных выступлений и их авторы познакомятся со зрелыми «цветами» большевистского учения.

Очень разные времена

За два года университет успел многое сделать: изданы десятки научных монографий, сотни статей, собраны материалы для энциклопедии о природных дарах Тавриды.

Но история неумолимо крутила свое колесо: 13 ноября 1920 года в Симферополь окончательно вошла Красная армия под командованием Михаила Фрунзе.

У семьи Вернадских, как и вообще у всех «буржуев», были чрезвычайно веские основания не ждать от подобных перемен ничего хорошего. Георгий спешно убыл с семьей в Константинополь. На том же корабле резервировали место и для Владимира Ивановича, но он, извинившись перед капитаном судна, остался со своими незащитными коллегами.

Если при Врангеле ректор хлопотал за освобождение ученых от реквизиций и призыва в армию, то с приходом красных началась борьба за их выживание. Председатель Ревкома Бела Кун и его подручная Розалия Землячка развернули на полуострове чудовищный террор. Пришли те самые голод и разруха, которые Иван Шмелев опишет несколько позже в романе «Солнце мертвых». И если о. Сергия Булга-

кову «посчастливилось» оказаться высланным из страны на пароходе «Жан», то оставшимся университетским работникам пришлось весьма туго.

Многие из них были арестованы, содержались в нечеловеческих условиях. Владимир Вернадский, на которого власти посматривали косо, выдал студенческие билеты двум сотням офицеров в надежде спасти их от смерти.

Большевики между тем взялись за крымский вуз: ликвидировали факультеты общественных наук, юридический и филологический. Фактически был распущен весь университет, кроме медфака, — за последним установили наблюдение со стороны чекистов. В качестве альтернативы организовывались рабфаки в Симферополе, Севастополе и Керчи. Вернадский в знак протеста подал в отставку с поста ректора, и его выслали «в распоряжение Наркомпроса» в Москву, признав такое поведение «политически недопустимым».

Благодаря заступничеству победителя белых, удалось сохранить высшее учебное заведение как таковое. Оно в его честь стало называться Крымским университетом им. М.В. Фрунзе. В последующие годы всевозможные «преобразования» продолжились: оказались

распущены медицинский, физико-математический и аграрный факультеты. К концу 1920-х вместо университета на полуострове появились медицинский, сельскохозяйственный и педагогический институты. «Наследником» Таврического как бы являлся последний из названных. Он включал в себя порядка полсотни преподавателей и примерно полтысячи студентов — впятеро меньше, нежели у предшественника.

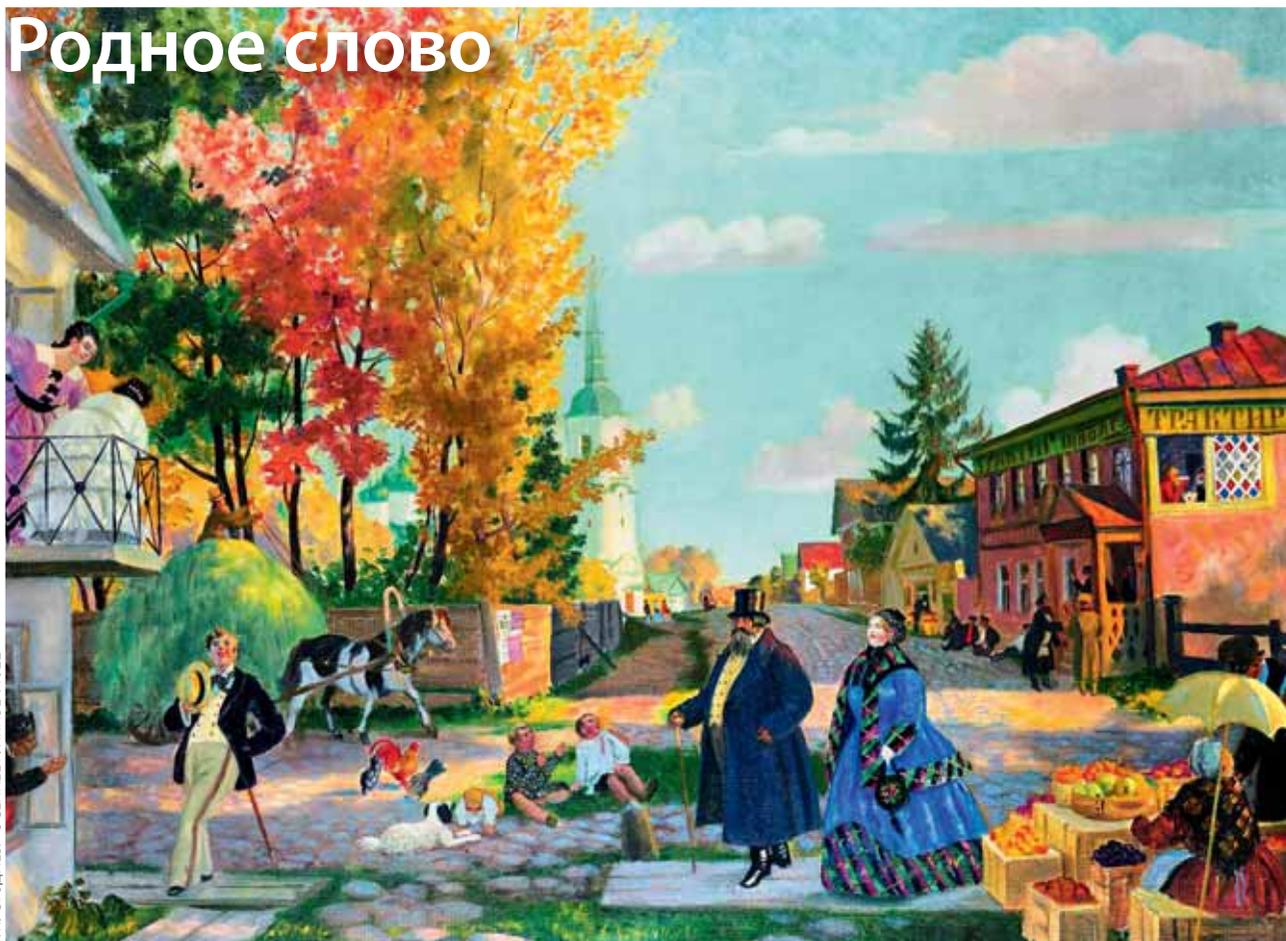
История Крымского университета на том этапе, к счастью, не завершилась. Постепенно восстанавливая научные и преподавательские силы, он выпустил немало выдающихся ученых и специалистов. Прошел сквозь героические-военные годы, времена «украинизации», восстановился в качестве университета в 1972-м. После распада СССР обрел свое историческое название — Таврический. Вернувшись в 2014-м вместе со всем полуостровом на Родину, был переименован в Таврическую академию и включен в Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Сегодня, отмечая вековой юбилей своей альма-матер, ее питомцы верят: в их славной летописи будет еще много новых и очень важных для всей России страниц.

Родное слово

Б. КУСТОДИЕВ. «ОСЕННЕЕ ГУЛЯНИЕ», 1922

Пути земные и небесные

Евгений Александров

145 лет назад в замоскворецкой Кадашевской слободе, в семье потомственного купца родился Иван Шмелев. Отец будущего литератора, крупный строительный подрядчик, владел знаменитыми на всю Москву плотницкими мастерскими, соорудившими не только помосты и лестницы, лавки да прилавки, но и праздничные ледяные горы, замысловатые приспособления для массовых увеселений с фейерверками.

Уже после революции Александр Куприн говорил о собрате по перу и грустной эмигрантской доле: «Прирожденный москвич, с московским говором, с московской независимостью и свободой духа». Казалось, в Первопрестольной Шмелеву была известна каждая складочка на ее древних кирпичных стенах. Страстно и нежно любил он свою Родину — город «сорока сороков», куда всегда мечтал вернуться.

С. ЗАЛШУПИН. «ПОРТРЕТ ИВАНА ШМЕЛЕВА»

Превознесешься талантом

Что перво-наперво оставляет после себя большой писатель? Запечатленные в книгах глубокие мысли, меткие, незабываемые остроты, архиполезные суждения, помогающие нам жить и находить истину. Еще лучше — когда остаются не только слова, но и звуки, запахи, ощущения. Такова проза Ивана Сергеевича — местами терпко-горьковатая, а в основном душистая, спелая, сахаристая.

Купеческий род Шмелевых происходил из крестьян Гуслицкого района Богородского уезда Московской губернии. Гуслицы — заповедный край староверов. Древлего обряда до поры до времени строго придерживались и предки писателя. В начале XIX века они переселились в Москву и поначалу обосновались на Арбате, став прихожанами храма Николы Явленного. Дед, Иван Иванович, состоял в купечестве с 1854-го, числился по второй гильдии, пристрастился к чтению,

собирал библиотеку. Сохранить ее, увы, никто не удосужился, все издания сыновья «сволокли куда-то в амбар, а там их поели мыши».

С тех пор книг, кроме Евангелия, в доме не водилось, пока гимназист Ваня не стал таскать за собой повсюду тома Достоевского и Чехова. В них он тонул и спасался. Уже в первом классе мальчик заслужил прозвище «римский оратор» — за искусное умение рассказывать приятелям волшебные истории. Иван сочинял легенды и сам верил в них «без страха и сомнения». Еще любил петь и даже мечтал о славе оперного вокалиста. Он и на склоне лет будет исполнять по памяти арии из «Руслана и Людмилы».

Последней стройкой отца, Сергея Ивановича, стали трибуны для публики на открытии памятника Пушкину в июне 1880 года. Ваня потерял папу в семь лет. Но не забыл — его образ в разных ипостасях присутствует практически в каждой шмелевской книге. С матерью отношения сложились иные: суровая купчиха, хозяйка большого дома была жестоковата с сыном.

После гимназии Иван Шмелев поступил на юридический факультет, мог бы стать хорошим правоведом или важным чиновником, но душа этого не принимала. В 18 лет он познакомился с Ольгой Охтерлони — замысловатая для русского уха фамилия досталась ей от далеких шотландских предков, — и все остальные женщины навсегда потеряли для него свою притягательность. Мать, правда, подыскала ему невесту «из своих», с большим приданым, однако он отстоял любовь, женившись на небогатой дворянке. Дочь штабс-капитана, героя обороны Севастополя, стала на всю их совместную жизнь удивительно преданной, многотерпеливой писательской женой.

Парижский крестный сын Ивана Сергеевича Ив Жантийом-Кутырин на сей счет вспоминал: «Они жили одной плотью, одним духом». Для него, Ива, эта уникальная супружеская пара пыталась воспроизвести нечто вроде своего далекого и счастливого московского детства — со сказками про Конька-Горбунка и Серого Волка, с копчением рыбы на костре и пением «Вечернего звона». А начиналась семейная история Шмелевых на Валааме. Там, в монастыре и его окрестностях, состоялось их свадебное путешествие.

Перед поездкой новобрачный услышал от иеромонаха Варнавы Гефсиманского весьма неожиданное пророчество: «Превознесешься своим талантом». Эти слова Шмелев помнил до конца своих дней. (Весьма примечательно, что писатель и умер в день памяти старца Варнавы.) Хотя тогда, в юности, его обуревали сомнения: «Я питал ненасытную жажду «знать»... это

РОДНОЕ СЛОВО

знание уводило меня от самого важного знания — от источника Знания, от Церкви. И вот в каком-то полубезбожном настроении, да еще в радостном путешествии, в свадебном путешествии, меня потянуло... к монастырям!»

С книги очерков «Старый Валаам» — о монастырском укладе, о легендах, о ладожских лесистых далях, о небесном и мирском — началось, по сути, его профессиональное творчество.

Человек из ресторана

После исполинов Федора Достоевского и Льва Толстого сказать что-то новое и существенное русскому прозаику было чрезвычайно сложно. Шмелев по этому поводу некогда рассуждал: «Достоевского можно назвать «жестоким талантом». Можно признать, что в нем соединено все, что рассыпано у великих писателей мира, что разрежено во всех людях, способных думать и вопрошать о Жизни и ее смысле, о своей судьбе, о цели бытия своего и вообще Бытия». Тем не менее он никогда не подражал создателю «Карамазовых». В плееде новеллистов, появившихся на литературном небосклоне в начале XX века, сразу же проявил себя как дарование большой величины. Его заметил Мак-

сим Горький, умевший помогать товарищам по литературе. Иван Шмелев стал одним из авторов знаменитых сборников «Знание», а это влекло за собой читательское внимание и неплохие гонорары, позволявшие тянуть воз семейных проблем, не отвлекаясь от писательства.

Довольно громкую славу ему принес «Человек из ресторана» (1911) — повесть, написанная от лица старика Скороходова, повидавшего виды официанта. «Хотелось выявить слугу человеческого, который по своей специфической деятельности как бы в фокусе представляет всю массу слуг на разных путях жизни», — писал молодой литератор Горькому, которому в те годы доверял безоглядно.

Исповедь старого официанта перевели едва ли не на все европейские языки. В Российской империи в предвоенные годы книги Шмелева расходились даже лучше бунинских. Правда, этих счастливых, относительно безмятежных лет оставалось всего ничего...

В советские времена «Человека из ресторана» будут уважительно упоминать в литературоведческих трудах, а иногда и переиздавать. Не менее парадоксально и то, что в 1927 году в СССР выйдет одноименный фильм Якова Протазанова, где роль Скороходова сыграет Михаил Чехов, а молодого официанта — Михаил Жаров. Шмелева эта картина огорчит. Он даже выступит с протестом в печати, поскольку в угоду идеологии авторы сценария слишком произвольно поменяют акценты.

Отец за сына

Незадолго до Февральских событий в письме к сыну Сергею, молодому фронтовому офицеру, он сетовал: «Сейчас наша жизнь переходит значительнейший рубеж. За ним или новая Россия, или постепенное отмирание. Не хочется писать тебе, сколько всякой грязи, сколько навоза, в которых кто-то проклятый спит и видит утопить Россию».

Весной 1917-го Иван Сергеевич, однако, верил в революцию, в благотворное обновление страны, выступал на митингах, восторженно встречал политкаторжан, возвращавшихся из Сибири. С Октябрем же смириться не мог. А его единственный сын, которого даже большевики признавали «лояльным к советской власти», погиб в Крыму в 1921-м. Судьба Сергея до конца не прояснена. Известно, что он, белый офицер, поверил в амнистию, объявленную комиссарами, добровольно явился к властям и оказался в застенках, откуда был единственный путь — под расстрел без суда и следствия. Родных оставили в неведении.

В поисках правды Шмелев стучался во все двери. У него имелись друзья, ставшие влиятельными при новой власти, — например, Александр Серафимович. В отчаянии Иван Сергеевич дошел до самого Анатолия Луначарского, наркома просвещения: «Помогите. Я

Кадр из мультфильма
«Моя любовь»

ФОТО: ДМИТРИЙ ШИМАНСКИЙ/ТАСС

всю душу отдам работе для родины, для новой родины. Вам я сказал все истинное. Вы не можете не понять, не услышать. Верните мне сына. Поддержите меня, если можете, писателя русского, Вы сам писатель, собрат».

Наркомпрос не остался безучастным, и вот уже всезнающий Калинин корреспондировал Лунначарскому о судьбе Сергея Шмелева: «Расстрелян, потому что в острые моменты революции под нож революции попадают часто в числе контрреволюционеров и сочувствующие ей. То, что кажется так просто и ясно для нас, никогда не понять Шмелеву». Что верно, то верно — от убийц сына он бежал опрометью.

Тезка Бунин помог ему обосноваться в Берлине, затем — в Париже, поделился литературными связями и даже предоставил крышу над головой.

В 1924 году появился роман «Солнце мертвых» — этакая попытка взломаться, апеллировать к Небесам, когда боль и гнев переполняют истерзанную душу, книга о невыносимых страданиях, о бесконечно дорогом и любимом Сереже и тысячах других офице-

ров, вероломно убитых в Крыму, о горестном, непоправимом...

Шмелев пребывал в отчаянии: еще и трех лет не прошло со времени гибели Сергея. Книгу тяжело читать, но стократ труднее было над ней работать. Это не публицистика и не дневник — трагическая симфония, где каждая нота на своем скорбном месте.

На всю жизнь Иван Сергеевич сохранил трепетно-идеалистическое отношение к Белой идее, к несбывшимся надеждам времен Гражданской войны. И через десять лет после кровавой междоусобицы высказывался почти восхищенно: «Самое чуткое, самое живое, духовно-крепко спаянное с Россией, к каким бы ни принадлежало классам, религиям, партиям, если только чувствовало биение сердца Родины, — вливалось в Белую армию или было духовно с нею». Многие в этой позиции связано с образом сына. Боль с годами не утихала.

Работал он много, почти каждый день, настучивая на пишущей машинке двумя пальцами. Потом с пером в руках правил, всякий раз беспощадно выбрасывал большие куски текста, добиваясь выразительной краткости.

Экранизировать Шмелева дерзают немногие. Одну из таких попыток предпринял в 2006 году талантливый русский мультипликатор, оscarовский лауреат Александр Петров, создавший на основе шмелевского романа «История любовная» 27-минутный анимационный фильм «Моя любовь». Эта работа удостоилась множества престижных наград национальных и международных кинофорумов.

РОДНОЕ СЛОВО

Его прозу любили все — не только единомышленники, но и либералы, и социалисты... «Как меня щипали, пока сам же Милюков не сказал: «Шмелев — есть Шмелев». И просил меня еще в 37–38 годах дать для журнала «Русские записки» рассказ или роман. Он был мой читатель», — вспоминал Иван Сергеевич. Даже в пространных инвективах Бунина нет о нем ни одного пренебрежительного слова. Хотя в последние годы выдающиеся тезки не ладили. В 1933-м между друзьями пробежала «нобелевская кошка». Премию получил Иван Алексеевич, а его бывший протеже так и остался номинантом. Но не только писательская ревность омрачила дружбу. Шмелев не принял позднего Бунина с его гимнами плотской любви, а к «Темным аллеям» и вовсе отнесся как к бульварщине.

Утонченная ткань русского быта

Интонация сказителя роднит его с Лесковым, хотя различий между ними больше, чем сходства. Николай Семенович — едкий сатирик, мастер гротеска и притчи. Шмелев прибегал к сарказму редко, а в поздних своих произведениях стал настоящим лириком. Чтобы сказовая манера не отдавала фальшью, требуется сердечное перенапряжение. После «Солнца мертвых» казалось, что его автор не сможет вырваться из омута перманентной трагедии. Он и сам признавался: «Если бы Вы знали, как я страдал, как был близок к утрате себя, были дни, когда я чувствовал, что пропадаю, идет на меня тьма, ужас... потеря рассудка...»

«Лето Господне» обернулось для него возрождением надежды. Хотя речь там шла о прошлом, о самых светлых мгновениях далеких дней.

Однажды во Франции, под Рождество, он рассказал крестнику, маленькому Иву, о том, как справляли этот праздник в России. Из того разговора, по сути, родились

две удивительные книги — «Лето Господне» и «Богомолье», лирический путеводитель по Москве конца XIX века. На каждой странице — череда ощущений и оттенков, многообразие цвета, вкуса, настроения. Прочитав однажды, не забудешь: «Зажмуришься и вдыхаешь — такая радость! Такая свежесть, вливающаяся тонко-тонко, такая душистая сладость-крепость — со всеми запахами согревшегося сада, замятой травы, растревоженных теплых кустов черной смородины. Нежаркое уже солнце и нежное голубое небо, сияющее в ветвях, на яблочках».

Эти книги он писал в начале 1930-х, в шумном, пропахшем бензином Париже, в обстановке далеко не идиллической. Но литератор обрел в своей стихии — московской, патриархальной, утешался видениями детства. В доме Шмелевых русские традиции соблюдалась не декоративно, они составляли существо жизни. В сочинениях Ивана Сергеевича воспоминания «наплывают туманом, будто во сне забытом», и картины прошлого оживают.

«Утонченная ткань русского быта», — сказал о «Богомолье» Иван Ильин. Это высокая поэзия, при том, что большая часть повести состоит из вполне реалистичных

диалогов. Там возникает плотник Михаил Панкратович Горкин, любимый воспитатель Ивана Шмелева, во многом заменивший ему в свое время отца, олицетворявший типично русского человека. «Самое душевное это дело, на богомолье сходить», — вздыхал автор, мечтая снова увидеть Лавру, поклониться московским святыням, пройти по Троицкой дороге, ведь Свято-Александро-Невский собор в Париже — все-таки совсем не то...

Он и после Второй мировой войны не смягчил своего отношения к советской власти. Однако не сомневался, что вернется в Россию. Известно его завещание: «Да, я сам хочу умереть в Москве и быть похороненным на Донском кладбище, имейте в виду. На Донском! В моей округе. То есть если я умру, а Вы будете живы, и моих никого не будет в живых, продайте мои штаны, мои книжки, а вывезите меня в Москву».

Возвращение состоялось. Сначала на Родине вышли все его главные книги. А в 2000 году в Донском монастыре появилась могила супругов Шмелевых, Ивана Сергеевича и Ольги Александровны. Там не умолкает колокольный звон, а по праздникам православные радостно и торжественно шествуют крестным ходом.

ФОТО: АЛЕКСЕЙ НИКОЛЬСКИЙ/РИА НОВОСТИ

Московские обыватели Михаил Вострышев М.: Молодая гвардия, 2018. — 504 с.

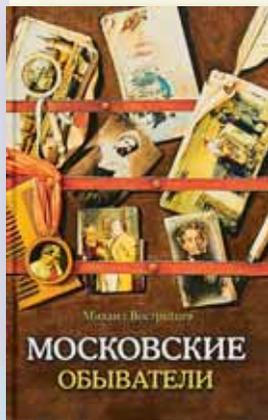
Продолжая свой популярный литературно-краеведческий цикл, талантливый писатель, журналист, видный москвед Михаил Вострышев не скупится на подробности, старательно прорисовывает детали, тона и оттенки. Воссоздает захватывающие городские легенды, колоритные образы далекого прошлого, объясняет умонастроения давно минувших эпох.

Как начинался самый известный на Руси макабрический пир — Чумной бунт 1771 года? Просто и страшно: народ требовал дать ему хлеба, распечатать бани и кабаки, а докторов и прочих лекарей выгнать из города вон. Зычно гремел набат в районе Царской башни, грозным воплем ему вторили сотни колоколов приходских и монастырских церквей. На площадь выкатывали пузатые бочки с зельем...

Мир Первопрестольной в книге Вострышева расцветает всеми красками кустодиевских ярмарок и бесшабашных зимних забав. Иногда погружается во мрак кабацких и трущобных сцен Григория Мясоедова, Иллариона Прянишникова. Звучат афоризмы: «Кнут — не архангел: душу не вынет, а правду скажет».

По двору старообрядческой богадельни бегают злобные псы с именами наиболее часто прокливаемых вероотступников. Оживают знатные дома с няньками, мамками, пленными турчанками, арапами, карликами, горничными и сенными девками. Об упадке быта московских вельмож грустит литератор Ксенофонт Полевой: «Прежде все, казалось, для того только и жило, чтобы пировать и веселиться, и всех жителей можно было разделить на угощаемых и угощающих», — это уже в середине XIX столетия. А в золотой век Екатерины вольнодумец-издатель Николай Новиков «своим просвещением опутывает всю Россию». «Приказываю тебе, злодею, открыться. Сколько у вас масонских лож заведены и с какой преступной целью?» — допытывается князь Прозоровский.

Среди героев нового (значительно дополненного) издания — известные фамилии и персонажи. О существовании некоторых из них массовый читатель прежде и не подозревал, поскольку за последние сто лет об этих москвичах не было написано ни строчки.

Василий Розанов Александр Николукин М.: Молодая гвардия, 2018. — 528 с.

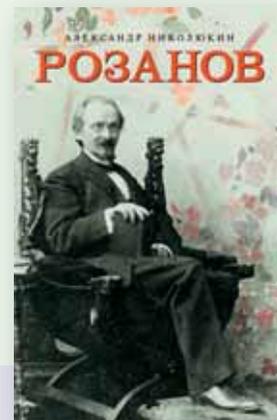
Историк литературы, профессор, ведущий специалист по наследию Розанова рассматривает его воззрения не только в контексте бурных социально-политических споров, в которых блистательный колумнист суворинского «Нового времени» принимал живейшее участие.

Предложенный исследователем критерий — глобальный, общемировой. К примеру, розановские «Опавшие листья» сравниваются с джойсовским «Улиссом». Тут, очевидно, сказалась сфера научных интересов: Николукин занимался английской и американской классикой: Байроном, Вашингтоном Ирвингом, Эдгаром По, Германом Мелвиллом.

«Писатель стал открывателем новой художественной формы. Еще Лев Толстой ввел в свои романы фрагменты «потока сознания». Розанов всерьез обратился к этому художественному приему десятилетием раньше Джойса, и не просто обратился, а построил на нем свою трилогию. Это был не только «доджойсовский», но и «внеджойсовский» подход, попытка запечатлеть непрерывно изливающиеся из души «восхищения, вздохи, полумысли, почувствва».

У «нормального» критика заключена хартия с твердым «да» и бесспорным «нет». Совсем иное — у Розанова. У него — совершенно особое понимание: «да» и «нет», «правое» и «левое» прекрасно сосуществуют, их сдружила амбивалентность, альтернативность мышления. И за это Василия Васильевича не осуждали в свое время только интеллектуально ленивые.

«Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали», — по-нищански отвечал на нападки Розанов. И тут же сам обрушивался на классика, которого буквально боготворил: «Достоевский как пьяная нервная баба, вцепился в «сволочь» на Руси и стал пророком ее». И это при том, что литературно-философский этюд Василия Васильевича «Легенда о великом инквизиторе...» положил начало всеобщему восприятию Федора Михайловича как религиозного мыслителя. Впрочем, Розанов довольно доходчиво аргументировал собственную «альтернативность»: «Где же тогда истина? В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать одну. В колебании... Наступи-ка устойчивость — и мир закаменел бы, заледенел».

Проверено
временем

«Будет брэнчать гитара, будет крутиться пленка...»

Валерий Бурт

В его жизни, как и в судьбах подавляющего большинства сильных творческих личностей, очень многое парадоксально переплелось-перемешалось: неподдельный оптимизм периода гигантских строек, послевоенного восстановления и плач — уже в годы развитого социализма — по убитым «пролетарской» революцией юнкерам, пафос самобытной советской героики и грустная насмешка над вечными слабостями-пороками, стремление возвыситься над суетой сует и тянущее вниз «человеческое, слишком человеческое».

В молодые годы он был на распутье. Поступал — успешно — и в Литинститут, и в Студию Станиславского. Ни там, ни там дело обучения до конца не довел, однако художественное слово и сцена остались с ним навсегда. 19 октября со дня рождения Александра Галича исполнится ровно сто лет.

Он умел делать чудеса

Первую порцию всесоюзной известности он получил как драматург. Спустя примерно год после Великой Отечественной в столичном Камерном театре начались репетиции спектакля по его антивоенной, антифашистской — не столько обличительной по отношению к нацистам, сколько проникнутой состраданием к их жертвам — пьесе «Походный марш». Накануне режиссер Александр Таиров наградил автора звучным комплиментом-предвидением: «В лице Галича — я убежден в этом по нашей совместной работе — советская драматургия обретет талантливого и взыскательного художника, обладающего настоящей творческой пылкостью, подлинным чувством театра».

Таирову осуществить постановку не удалось. В 1947-м ее — после цензурной «обработки» — уже в ленинградском Новом впервые показал Рафаил Сусликович. Это был трамплин, позволивший Галичу взять прежде не покорявшиеся высоты. Далее следовали — в соавторстве с Константином Исаевым — пьеса «Вас вызывает Таймыр», много позже удачно экранизированная, киносценарий для калатозовских «Верных друзей» и другие хорошо известные тогдашней интеллигенции сочинения. В 1955-м его приняли в Союз писателей СССР, а три года спустя в Союз кинематографистов. На все, что он производил, тут же находился спрос. Сценарии Александра Галича были ладно скроены, крепко сшиты, разнообразны по жанрам, а главное — актуальны. По ним сняты военная драма «На семи ветрах», детектив «Государственный преступник», комедия «Дайте жалобную книгу», биографическая лента «Третья молодость» (о Мариусе Петипа). Александр Аркадьевич пребывал в прекрасной творческой форме, писал книгу о Шаляпине, пробовал себя в новых амплуа, например, готовился к съемкам телевизионного мюзикла «Я умею делать чудеса».

За чужую печаль

Александр Аркадьевич многим казался барственным, холодным, высокомерным. Но внешний облик обманывал, стихи говорили гораздо правдивее:

*За чужую печаль
И за чье-то незваное детство
Нам воздастся огнем и мечом
И позором вранья!
Возвращается боль,
Потому что ей некуда деться,
Возвращается вечером ветер
На круги своя.
Мы со сцены ушли,
Но еще продолжается действие!
Наши роли суфлер дочитает,
Ухмылку тая.
Возвращается вечером ветер
На круги своя...*

*Возвращается боль,
Потому что ей некуда деться...*

Его стихи били током мучительных, чтобы не сказать — покаянных, раздумий. Хотя в невзгодах ближних и трагедиях дальних, посторонних его вины не было, врожденная чуткость не позволяла молчать. В картины прошлого он вглядывался трепетно, напряженно — так, словно давно пережитое можно было как-то изменить: «В предчувствии гибели низкой / Октябрь разыгрался с утра, / Цепочкой, по Малой Никитской / Прорваться хотят юнкера. / Не надо, оставьте, отставить! / Мы загодя знаем итог! / А снегу придется растаять / И с кровью уплыть в водосток».

Галича угнетала жалость к растоптанным судьбам, к бедолагам, собиравшим по кусочкам свое семейное счастье, но волею рока почти всего лишившихся, как это произошло с героиней его пронзительного стихотворения: «Она стоит — печальница / Всех сущих на земле, / Стоит, висит, качается / В автобусной петле. / А может, это поручни... / Да, впрочем, все равно!.. / Два сына было — сокола, / Обоих нет как нет! / Один убит под Вислою, / Другого хворь взяла... / А мужа в Потьме льдиною / Распутица смела... / А дочь в больнице с язвою, / А сдуру запил зять...» Посреди всего этого житейского кошмара, не отпускающего ни на час, несчастная женщина забыла оплатить пятикопеечный проезд в транспорте. «Прискорбный» факт не ускользнул от бдительного гражданина «с авоською и в шляпе», разразившегося тут же, в автобусе, обвинительной речью: «Мы во главе истории, / Нам лупят в лоб шторма, / А есть еще, которые / Все хотят задарма!.. / Ты, мать, пойми: неважно нам, / Что дурость — твой обман. / Но — фигурально — каждому / Залезла ты в карман!». Финал этого не то рифмованного трагифарса, не то ужасной притчи слишком предсказуем: «Бегут слезинки скорые, / Стирает их кулак... / И вот вам — вся история, / И ей цена — пятак!»

Он по-детски мечтал об островах, «где неправда не бывает права! / Где совесть — надобность, а не солдатчина! / Где правда нажита, а не назначена!». Надеялся: «Все безумные образумятся, / Все итоги, непременно, подытожатся. / Были гром и град, были бедствия — / Будут тишь да гладь, благоденствие».

Впрочем, подобные заклинания нередко сопровождалась иронической усмешкой, словно дававшей понять: стихотворец и верит, и не верит в обрисованные перспективы, и все-таки считает своим долгом внушить наилучшие ожидания — поклонникам, случайным слушателям, да и себе самому...

И Чуковский, и Высоцкий

В приятелях у Галича был и Корней Чуковский, повидавший на своем веку целый полк дарований огромной величины. Познакомились они так. Однажды на даче мэтра в Переделкино собралась большая компания, в

которую почти случайно попал Галич. Корней Иванович послушал его песни и произнес: «Ну ладно — это все ваши актерские штучки, а вы мне покажите, чтобы я это глазами прочитал».

Вскоре «актер» принес ему отпечатанный на машинке сборник стихов. Когда встретились вновь, маститый критик выразил восхищение посредством панегирического автографа, перефразировав пушкинские строки: «Ты, Галич — Бог, и сам того не знаешь». И вслух добавил с некоторой долей растерянности: «А я ведь думал, Александр Аркадьевич, что русский язык знаю».

Чуковский стал поклонником его творчества, по словам биографа поэта Михаила Аронова, «часто звонил ему и не терпящим возражений тоном ставил перед фактом: «Саша, через час машина у подъезда. Ко мне с гитарой». А если Галич пытался возражать, что у него на это время уже что-то назначено, то Чуковский говорил: «Ну что такое назначено? Я вас жду. Приезжайте».

60-е — время людей с гитарами, тех, кого позже станут именовать «бардами». Они вдохновенно рассказывали под музыку о собственных радостях и печалях, трудностях бытия и превратностях быта, смеялись и грустили, предавались воспоминаниям и заглядывали в будущее, исполняли гимны высоким устремлениям и ниспровергали нравы, обычаи, привычки советского «мещанства». Галич, Визбор, Окуджава — главная бардовская троица. Позже к ней добавился Высоцкий.

Александр Аркадьевич очень высоко ценил песни Высоцкого. Часто слушал их, с нетерпением ждал новых. Поэты были, что называется, одной крови: одинаково видели суть многих вещей, у обоих композиции походят на эффектные мини-пьесы. У одного — про Егора Мальцева, товарища Парамонову, Клима Петровича... У другого — о враче Маргулисе, Епифане, Зинке...

Галич пел: «И рубают финики лопари, / А в Сахаре снегу — невпророт! / Это гады-физики на пари / Раскрутили шарик наоборот. / И там, где полюс был — там тропики, / А где Нью-Йорк — Нахичевань, / А что мы люди, а не бобики, / Им на это начихать».

«Мнение» Владимира Семеновича о научных работах звучало, в общем-то, похоже: «Товарищи ученые! Доценты с кандидатами! / Замучились вы с иксами, запутались в нулях! / Сидите, разлагаете молекулы на атомы, / Забыв, что разлагается картофель на полях».

Да и других параллелей меж ними было множество.

С процитированной песней Галича связана забавная история. Как-то он давал небольшой концерт у Чуковского и заметил в гостинице странного пожилого человека в галстук, надетом на ковбойку с вывернутым воротником. Тот внимательно и хмуро слушал, при этом ерзал и сопел, мешая одному исполнять, другим — слушать, а когда прозвучали куплеты про физиков, неожиданно для всех спросил: «Как родилась эта песня — у вас была какая-нибудь физическая идея

о возможности контрвращения Земли или Вы так ненароком обмолвились?». Артист удивился: «Ну, какая, помилуй Бог, идея?!» — и отвернулся. Через какое-то время все перешли в соседнюю комнату, где подавали чай, коньяк и бутерброды. Хозяин начал знакомить поэта-музыканта с гостями и подвел его к джентльмену в ковбойке: «Знакомьтесь, Саша, это наш знаменитый физик Петр Леонидович Капица, ученик Резерфорда».

Впервые Галич и Высоцкий увидели друг друга в 1957-м, когда первый уже являлся известным сценаристом и драматургом, а второй учился в школе-студии МХАТ. Молодые актеры театра — и среди них будущий кумир миллионов — собирались ставить спектакль «Матросская тишина» по пьесе Александра Аркадьевича и ходили к нему домой.

Молва приписывает Высоцкому слова: «Мы все вышли из Галича, как из гоголевской «Шинели». Приятель Владимира Семеновича Давид Карапетян вспоминал, как тот отдавал барду-предшественнику дань уважения и благодарности: «Он мне помог всю поэтическую форму поставить».

«Когда я вернусь...»

Александр Галич был широко известен по всей стране, его концерты собирали аншлаги, магнитофонные записи крутили повсюду. Он все чаще «выходил за флажки», дерзил властям. Творческие союзы вызывали его на ковер, призывали образумиться. Жена просила умерить пыл, бросить хотя бы на время содержавшие крамолу выступления, эхо которых дошло до Кремля: член Политбюро Дмитрий Полянский, услышав «сомнительного характера» песни, возмутился, потребовал разбирательства.

Поэта и драматурга исключили сначала из Союза писателей — в декабре 1971-го, а затем — в феврале 1972-го — из Союза кинематографистов. Все проекты, в которых он участвовал, тут же закрыли. Его имя исчезло с афиш, из титров, договоров, словно никогда и не значилось. Вскоре ударил инфаркт — третий, а потому смертельно опасный, хотя уйти в мир иной ему суждено будет по совсем иной причине — случайной, совершенно нелепой.

В июне 1974-го Александр Аркадьевич отправился за границу. Покидал страну усталым, постаревшим. Шел по длинному стеклянному переходу аэропорта с поднятой в руке гитарой...

Собирался ли возвращаться? Наверняка. И запечатлел эту надежду на бумаге:

*Когда я вернусь — ты не смейся, — когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли,
по февральскому снегу,
По еле заметному следу к теплу и ночлегу,
И, вздрогнув от счастья, на птичий твой
зов оглянусь,
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...*

Целину освоили, БАМ построили

Сто лет назад, в октябре 1918 года, был создан комсомол. Поначалу носивший название «Российский коммунистический союз молодежи», с образованием СССР он обрел привычную аббревиатуру — ВЛКСМ и прочно вошел в советскую действительность. На протяжении семидесяти трех лет политическая организация ставила перед собой большие задачи: шефство над всеобучем, сопротивление фашистам, освоение целины, строительство Братской и Саяно-Шушенской ГЭС, БАМа... Герои нового времени привлекли внимание писателей, композиторов и, конечно, художников: образы комсомольцев появились не только на масштабных полотнах, но даже на плакатах, спичечных коробках и марках.

ЖЕМЕРЯГИН

Ксения Воротынцева

Новые люди

1920-е вошли в историю как время экспериментов: контуры нового строя оставались зыбкими, изменчивыми. Перед живописцами и графиками стояла задача создать особый визуальный код — сформировать образ нового человека. Отличительной чертой эпохи была устремленность в будущее: на первый план вышла молодежь, ее потребности. Так, Константин Юон на картине «Комсомолки. Подмосковский молодежь» (1926) изобразил юное поколение: любопытных, чуть наивных девушек. Художник писал: «Дремлавшие в моем воображении с ранних лет запросы искусства большого стиля не получали ответа от слишком кабинетного мастерства лучших современников. <...> С приходом революции всколыхнулись в воображении притаившиеся образы и запросили выхода в свет. Но не первые послереволюционные годы, заполненные в искусстве абстракциями кубо-футуристического толка, в последние годы, годы конкретизации идей рево-

люции, требования содержания и значительности от искусства создали ту атмосферу, ту почву, опираясь на которую большое композиционное искусство имеет возможность расцвести».

Вплоть до середины 1930-х эксперименты продолжались. Новая советская живопись испытывала влияние современного западного искусства: например, немецкого экспрессионизма. Одним из передовых авторов был Александр Самохвалов, признававшийся: «Я стал жадно всматриваться в перестраивающуюся жизнь, в развертывающееся строительство нового мира, новых отношений». На полотне «Военизированный комсомол» (1932–1933) живописец изобразил современные реалии — спортивные тренировки, а также занятия по военной подготовке. Маэстро так описывал создание работы: «Картина была связана с пятнадцатилетием Красной Армии. Однажды, катаясь на лодке с друзьями, Н.З. Стругацким и Л.А. Месом, я увидел небольшой участок поля, занятый молодежным стрельбищем. Девушки с винтовками лежа

И. БЕВЗЕНКО. «МОЛОДЫЕ СТАЛЕВАРЫ», 1961

стреляли по цели, где-то тут же учились строю комсомольцы. Возле зенитки стояла группа молодежи, изучая механизм этого орудия обороны. С отдельными группами девушек работали инструкторы. Я написал эскиз будущей картины... К композиции сохранились два этюда. Один из них — «Девушка на военной учебе», другой — «Комсомолец с винтовкой».

Другой классик советской эпохи, Александр Дейнека, один из апологетов спорта в советском искусстве, написал полотно «Раздолье» (1944). Созданное в тяжелые военные годы, оно поражает оптимизмом. На холсте изображены девушки, бегущие с реки, в мир, невидимый зрителю. Время и пространство, словно в мифе, слиты: на самом деле спортсменки спешат в светлое будущее, которое скоро должно наступить. Действительно — уже через год страна праздновала победу над фашизмом.

Классик соцреализма Борис Иогансон иначе представил комсомольскую тему. Его произведения отличаются масштаб, «толстовская» интонация, пафос — недаром мастер высоко ценил «проповедника от живописи» Репина и, вспоминая о дореволюционных годах, сетовал на «упадничество» в академической среде: «Настроения богемы свили себе уютное гнездышко, и только некоторые, наиболее дальновидные, косо поглядывали на окружающее и неутомимо учились и теоретически, и практически. Сейчас они на нашем

советском горизонте — лучшие мастера живописи». Вместе с Василием Соколовым, Дмитрием Тегиним, Наталией Файдыш-Крандиевской, Никитой Чебаковым мэтр написал полотно «Выступление Ленина на III съезде комсомола» (1950). Интересна и другая работа Иогансона: «Рабфак идет (Вузовцы)» (1928). Художник заявлял: «Моя мечта — показать нового человека». При этом маэстро проявил себя как тонкий колорист, достойный ученик великого Коровина.

Королевы Метростроя

Влияние комсомола распространилось на многие стороны советской действительности. Так, деревенские комсомольцы одними из первых вступили в колхозы. Константин Корягин, учившийся у передвижника Абрама Архипова, создал образ «ударника колхоза»: не плакатного героя, но юного мечтателя, идеалиста, устремившего взгляд куда-то вдаль и отложившего перо. Комсомольцы участвовали в строительстве московского метро: это вдохновило Самохвалова на создание знаменитой серии «Девушки Метростроя» (1933–1934). Мастер вспоминал: «Я был совершенно потрясен энергичной, беспокойной и такой любовно коллективной работой этих девушек. Это был призыв комсомола к добровольному участию в строительстве первого в нашей стране метро. Я был в это время в санатории Дома ученых в Узком. И оттуда наезжал в Моск-

В. ПОПКОВ. «НА РАБОТУ», 1958

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

ву на места стройки. Было бы смешно ставить там этюдник и пытаться списать этих быстро двигающихся, красивых и гордых строительниц метрополитена. Их образ складывался в движение, мотивированное их энтузиазмом. И каждое их движение было монументально, как песнь о великом механизированном труде. <...> Здесь я встречал этих девушек, только пока мог не выпускать их из поля своего зрения. Если какая-нибудь из них исчезала, то исчезала навсегда, оставив во мне память о музыкальных ритмах своего трудового процесса, забываемо красивых ритмах».

Федор Богородский, создатель пронзительных портретов беспризорников времен Гражданской войны, также представил образ метроостроевки (1935). Правда работница, изображенная Богородским, отличается от героинь Самохвалова. Это не монументальная античная богиня, но задумчивая, лукавая, чуть уставшая земная девушка.

Интерес к индивидуальности характерен для работ Сергея Григорьева, лауреата двух Сталинских премий второй степени. На рубеже 1940–1950-х он создал ряд картин, где по-новому представил образ комсомольца. «Прием в комсомол» (1949) — это тонкая психологическая драма в традициях передвижников. Художник точно передает характер каждого персонажа. Девочка-подросток, вступающая в ряды ВЛКСМ, смущенно держит руки за спиной. Рядом сидит пожилой коммунист, поддерживающий героиню. Молодые люди из комсомольской организации ободряюще смотрят на школьницу. За эту картину автор получил Сталинскую премию, а уже в следующем году написал «Обсуждение двойки» (1950), также удостоившуюся высокой награды. Здесь, однако, мастер изобразил конфликтную ситуацию: огорченному старшекласснику противостоит один из членов комитета комсомола. Симпатии большинства персонажей, а вместе с ними

С. ГРИГОРЬЕВ. «ПРИЕМ В КОМСОМОЛ», 1949

Л. ПОЛОНОВ. ПЛАКАТ, 1943

художника и публики, безусловно, на стороне незадачливого ученика. Тем самым автор обозначает нежелание следовать прямолинейной плакатности. Его работа (несмотря на переключку с назидательной картиной «Опять двойка» Федора Решетникова) является предчувствием оттепельной гуманизации.

Нас ждут великие дела

Образы комсомольцев появлялись на картинах, связанных со сложными, переломными для страны моментами. Одной из важнейших тем стала Великая Отечественная. В 1940-е произошел расцвет плаката: время требовало лаконичного, простого визуального языка («Комсомолец, будь героем Великой Отечественной войны!», Петр Мальцев, 1941). Кроме того, многих живописцев вдохновил подвиг «Молодой гвардии». Для картин выбирались «ключевые» события: подпольная

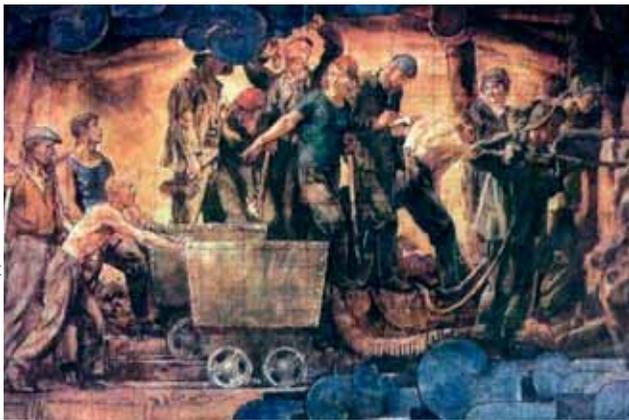
деятельность молодогвардейцев (Павел Соколов-Скаля, «Краснодонцы», 1948; Моисей Вольштейн и Александр Фильберт, «Флаг над школой»), мужество и храбрость молодых людей, не сломленных истязаниями (Валериан Щеглов, «Арест Ульяны Громовой»; Федор Глебов, «Ульяна Громова читает в камере стихи Лермонтова»; Михаил Поплавский, «Олег Кошевой на допросе»). После войны по всей стране были установлены памятники героям Краснодона.

Другой важной темой стало освоение целинных земель. Михаил Аникеев, побывавший в Казахстане в 1950–1960-е, писал картины в особой декоративной манере («Полдень. На целине», 1954; «Целинный хлеб», 1954). Из-под его кисти вышла целая серия «Целина»: некоторые из произведений были опубликованы в одноименной книге Леонида Брежнева. Обращались

художники и к плакату: «Поднимай целину!» Веры Ливановой (1954) считается одним из эталонных образцов. Другой плакат, «Партия сказала — надо, комсомол ответил — есть!» (1963), созданный Ириной Большаковой и Вячеславом Смирновым, призывал молодежь не только осваивать целину, но и участвовать во Всесоюзных ударных комсомольских стройках.

Так, Виктор Попков, один из представителей «сурового стиля», написал ряд произведений, посвященных возведению Братской ГЭС: например, «На работу» (1958) и «Строители Братска» (1960). Другой советский классик Анатолий Левитин запечатлел жизнь

Е. ЛАНСЕРЕ. «ПРОХОДКА ШАХТЫ МЕТРО», 1935

А. САМОХВАЛОВ. ИЗ СЕРИИ «ДЕВУШКИ МЕТРОСТРОЯ», 1934

строителей Саяно-Шушенской ГЭС. Правда, знаменитое полотно «Вечер в Саянских Черемушках» (1979) выполнено не в героическом, а в камерно-бытовом ключе. Художник изобразил жизнь молодого поселка, основанного в 1974 году благодаря строительству гидроэлектростанции. Мягкие летние сумерки, дворы пятиэтажек заполнены людьми. Женщина развешивает белье, молодежь бренчит на гитарах, дети веселятся на качелях, в колясках, поставленных в ряд, спят младенцы. А возле одного из подъездов играют свадьбу. На переднем плане — балкон и еще одна коляска с ребенком. Мастер словно показывает: в этих краях начинается новая, интересная жизнь.

Огромной популярностью пользовался БАМ: железной дороге посвящено множество картин, плакатов, открыток, спичечных этикеток. Одним из летописцев Байкало-Амурской магистрали был Юрий Титов. Художник считался «старожилом БАМа с первых просек». В его творчестве преобладают суровые индустриальные пейзажи и портреты строителей. Другой именитый автор, Вячеслав Жемерикин, создал цикл из 13 произведений «Мы на БАМе» (1974–1976). Картины, написанные яркими красками («Дежурная Надя», 1976), отсылают к эпохе 30-х. Например, персонажи «Поварихи Маши» (1976) напоминают «советских богинь» Дейнеки и Самохвалова, правда, одеты барышни по моде 1970-х — в кеды и джинсы. Стоит отметить еще один любопытный жанр — изорепортаж: набор открыток, рассказывающих о всенародной стройке. Автором подобного «отчета» выступил Владимир Харченко, мастер индустриального пейзажа, запечатлевший этапы возведения «великой дороги».

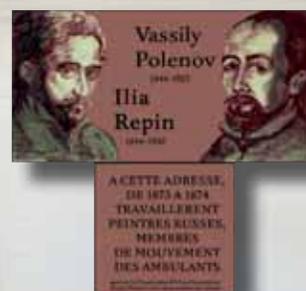
Комсомольская тема в искусстве порой соотносилась и с топонимикой. Художники вдохновлялись названиями улиц (Николай Можарский, «Комсомольский проспект», 1967), а также оформляли станции метро. Например, Евгений Лансере, представитель знаменитого художественного рода, создал майоликовые панно для «Комсомольской» (радиальной) Московского метрополитена, запечатлевшие строителей станции. Начиная как график и иллюстратор, он обратился к монументальному искусству, почувствовав требования времени: «Только в результате ряда исканий и опытов и счастливых находок может у художника создаться тот стиль эпохи, которого ждут и который должен прийти».

На закате ВЛКСМ появились не только оптимистичные картины, но и вещи, где преобладало минорное настроение: например, «Портрет ветерана комсомола М.С. Альперовича» (1978), написанный Евгением Широковым. В 1991-м политическая организация была распущена решением XXII чрезвычайного съезда ВЛКСМ. Ее отражение в искусстве — теперь предмет изучения историков.

Другие берега

Поленов и Репин здесь были

Юрий Коваленко

В столице Франции открывается мемориальная доска в честь Ильи Репина и Василия Поленова. Ее установят на доме № 31 по улице Верон — на Монмартре, много десятилетий являвшемся центром артистической жизни Парижа. Оба великих художника проживали и трудились здесь в 1870-е. С инициативой увековечить их память в свое время выступила директор музея-заповедника В.Д. Поленова, правнучка выдающегося живописца Наталья Поленова. «Свой» встретился с известным искусствоведом, автором книг «Русские художники-реалисты во Франции» (1860–1900), «Русские художники и Нормандия», «Поленов — рыцарь красоты» Татьяной Моженок-Нинен.

СВОЙ: Кто первым из наших художников проложил дорогу к берегам Сены?

Моженок-Нинен: В начале XIX столетия сюда приезжал Орест Кипренский. В 1834 году в парижском Салоне большим успехом пользовалось полотно Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Затем, возвращаясь из Италии, останавливался Александр Иванов. Исключительную роль в развитии российско-французских связей сыграл замечательный художник Алексей Боголюбов. По окончании Императорской академии он посещал студию-мастерскую Тома Кутюра, где также занимался Эдуард Мане. Однако Алексею Петровичу, мастеру морских пейзажей, было тут скучно, и он вернулся в Петербург, преподавал в Академии. Правда,

через десять лет по состоянию здоровья ему пришлось вновь уехать во Францию.

СВОЙ: *Испокон веков Меккой искусства считалась Италия. Почему наши живописцы потянулись в Париж?*

Моженок-Нинен: К середине XIX века Париж потеснил Италию. Тогдашнее искусство с его выставками, галереями, салонами, рождением Барбизонской школы и импрессионизма расцвело во Франции.

СВОЙ: *С какой целью отправлялись в эту страну наши мастера — познакомиться с европейским искусством, учиться, сделать имя?*

Моженок-Нинен: Лучшие выпускники Императорской академии художеств, золотые медалисты становились пенсионерами (сегодня мы бы сказали «стипендиатами»). Они получали содержание для совершенствования, пользовались большой свободой, путешествовали по разным странам. Обычно их маршрут начинался с Вены, проходил через Швейцарию, Италию и заканчивался Францией.

СВОЙ: *В Париже их опекал Боголюбов?*

Моженок-Нинен: Да. Академия назначила его попечителем талантливой молодежи: Репина, Поленова, Савицкого, Васнецова и других.

СВОЙ: *Как складывались их отношения с парижскими салонами, куда попасть было непросто?*

Моженок-Нинен: Несмотря на формальный запрет посылать свои работы на парижские выставки, наложенный Императорской академией, Поленов показывал на салоне свои работы, например «Правое господина» (сейчас находится в Третьяковской галерее). Репин демонстрировал полотно «Парижское кафе», которое сравнивали с произведениями Мане. (В 2011 году его продали на аукционе «Кристис».) Там же успех сопутствовал Алексею Харламову. Эмиль Золя в «Вестнике Европы» отметил его портреты Полины и Луи Виардо. Если судьба первого неизвестна, то второй сейчас находится в городской библиотеке Дижона. Тургенев торжествовал — Харламов был его любимым художником, написал один из самых удачных портретов великого писателя, хранящийся ныне в Русском музее.

СВОЙ: *Какие наиболее значительные выставки наших соотечественников прошли в те годы в Париже?*

Моженок-Нинен: Самая большая в истории ретроспектива передвижников состоялась на Всемирной выставке 1878-го. Год спустя Василий Верещагин стал первым

русским художником, у которого открылась в Париже персональная выставка, там были представлены работы из Балканской и Индийской серий, а также фотографии нескольких картин Туркестанской серии. Он предвосхитил современный перформанс, сопроводив экспозицию демонстрацией оружия, ковров, предметов культа из буддийских монастырей, масок, талисманов, изготовленных из человеческих черепов чаш и тому подобного.

СВОЙ: *Почему, несмотря на успех, пенсионеры просили разрешения уехать в Россию раньше срока?*

Моженок-Нинен: Молодые творцы стремились изображать родную действительность, не мыслили себя во Франции. Репин, Поленов, а еще раньше Перов хотели вернуться домой до окончания срока «командировки». Тем не менее поездка в Париж принесла им пользу — осветлила палитру, познакомила с письмом на пленэре, расширила кругозор. И в то же время они считали себя истинно русскими, более того — московскими живописцами. Для нас Поленов — художник, который создал образ Родины, но могла ему в этом французская школа. После поездки он написал свои знаменитые полотна: «Московский дворик», «Заросший пруд», «Бабушкин сад».

СВОЙ: *Репина отличало двойственное отношение к французскому искусству: «...у теперешних французов... собственно, сама живопись талантлива, но одна живопись, содержания никакого...».*

Моженок-Нинен: Когда Репин работал над «Парижским кафе», Иван Крамской говорил ему, что для такого сюжета надо родиться французом. Илья Ефимович отвечал, что никогда не давал обет писать лишь суровый русский характер. Если в 1875 году Репин рассуждал о «разнузданной свободе эмприсионалистов (Манэ, Монэ и других), их детской правде», восхищался испанским живописцем Ма-

ДРУГИЕ БЕРЕГА

риано Фортуну, то потом изменил свое мнение.

СВОЙ: *Общались ли русские художники с французскими товарищами по цеху?*

Моженок-Нинен: Боголюбов в первые годы пребывания в Париже часто встречался с «папашей Коро» и Шарлем Франсуа Добиньи, которые даже подарили ему свои пейзажи. Затем «сошёлся» с известными тогда живописцами Жан-Леонам Жеромом, Леонам Бонна, Жан-Луи-Эрнестом Месонье и познакомил с ними молодых русских художников.

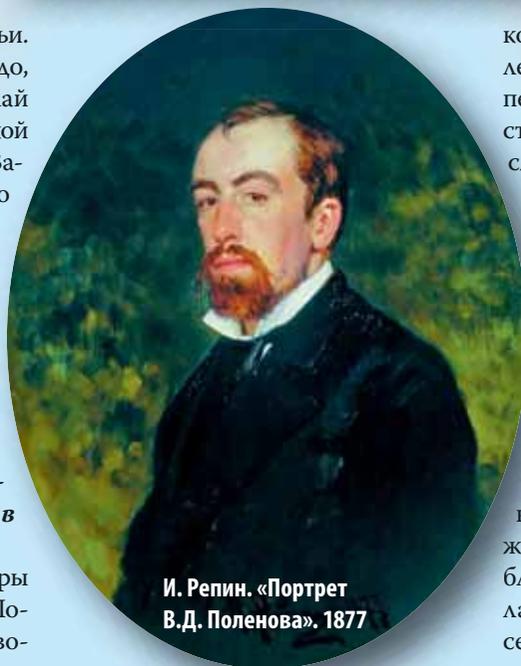
Поленов был выходцем из старинной аристократической семьи. Его прадед — русский Леонардо, выдающийся архитектор Николай Львов. Бабушку по материнской линии воспитывал Державин. Василий Дмитриевич прекрасно владел французским, мог свободно общаться с французскими художниками. Репин посетил «квартирную» выставку произведений Эдуарда Мане, отверженных Салоном, в его мастерской на улице Санкт-Петербург.

СВОЙ: *Пользовались ли полотна передвижников спросом в Париже?*

Моженок-Нинен: Пенсионеры не имели права их продавать. Поэтому Боголюбов хлопотал за своих подопечных, обращался к Павлу Третьякову и цесаревичу, будущему императору Александру III, который прямо в парижской мастерской Репина купил «Садко», а у Поленова — «Арест гугенотки». Во многом благодаря Тургеневу молодые художники прониклись идеями коммуны, социального равенства. Поленов задумал картину «Заседание Интернационала», или «Публичная лекция Фердинанда Лассаля», но выполнил лишь наброски к ней. Репин после путешествия с Владимиром Стасовым по Европе в мае 1883-го на одном дыхании написал картину «Годовой поми-

В. Поленов. «Художник И.Е. Репин». 1879

И. Репин. «Портрет В.Д. Поленова». 1877

нальный митинг у стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез» (ГТГ), редкий пример обращения к теме Парижской коммуны в европейской живописи.

СВОЙ: *В один прекрасный день Алексей Боголюбов открыл для себя нормандскую деревушку Вэль-ле-Роз на берегу Ла-Манша и на протяжении трех десятилетий наезжал туда вместе с русскими друзьями. «Нет, десять Италии с Неаполем я не променял бы на этот уголок... Мы живем теперь природой, она здесь так проста, упоительна, ужасно похожа на*

нашу, малороссийскую», — писал Репин из Вэль-ле-Роз.

Моженок-Нинен: Это местечко, связанное с именем Виктора Гюго, оставило заметный след в их творчестве. Там сохранились дом Харламова и так называемая изба, в которой, согласно преданию, жили Репин и Поленов в 1874 году. Илья Ефимович назвал пребывание в Вэль-ле-Роз своим «третьим уроком живописи» — после Чугуева, где он родился, и путешествия по Волге. Французская ассоциация Василия Поленова в 2005 году открыла пассаж русских художников-передвижников, а десять лет спустя — сквер Поленова на том месте, где он написал пейзаж с двумя лошадами у ворот старого дома. Эта картина находится в Русском музее. В кабинете мэра Вэль-ле-Роз висит этюд, который, как здесь считают, принадлежит кисти Харламова.

СВОЙ: *Как возникла русская керамическая мастерская во французской столице?*

Моженок-Нинен: Ее организовали опять-таки по инициативе Боголюбова. В Париже в то время уже работал художник-керамист Евдоким Егоров. Наши живописцы создавали красивые блюда, изразцы из вулканической лавы Оверни. Сюжетами росписей становились герои русского эпоса, сказочные персонажи, а также мельницы Вёля, побережье Ла-Манша и меловые скалы Алабастрового берега, железные дороги с дымящимися паровозами... В мастерской трудились Репин, Поленов, Савицкий, Владимир Маковский, Похитонов. В 1880-е сюда приехала сестра Поленова Елена, которая посещала керамическую мастерскую директора Севрской мануфактуры Теодора Дека. В те годы пенсионерство женщины-художницы было исключительным событием. Тарелки, изготовленные в Париже, сегодня можно увидеть и в саратовском Музее имени

Вель-ле-Роз

Радищева, и в Музее-заповеднике В.Д. Поленова.

СВОЙ: *С чего началось Общество взаимного вспомоществования русских художников?*

Моженок-Нинен: Общество решили создать в день освобождения Плевны от турок, 10 декабря 1877 года, и тем самым увековечить славную дату. Его Почетным президентом стал Николай Орлов, посол России во Франции, а фактическим — Боголюбов. Первым секретарем Общества был Тургенев. Цесаревич Александр, будущий император Александр III, покровительствовал Обществу. Оно устраивало выставки русских художников, помогало им материально. Иван Сергеевич трогательно заботился о соотечественниках, в том числе о пианистке Валентине Серовой, приехавшей в Париж вместе с сыном Тошей, будущим великим живописцем Валентином Серовым.

Общество активно пропагандировало русское искусство, содействовало его сближению с французским. Живя в Париже, Боголюбов участвовал в художественной жизни России, посылал свои работы на выставки передвижников. В родном Саратове Алексей Петрович на основе собственной коллекции создал музей и назвал его, невзирая на личную близость к царю, ко двору и Победоносцеву, именем своего деда, первого русского революционера Александра Радищева.

СВОЙ: *Почему так мало полотен русских мастеров во французских музеях?*

Моженок-Нинен: Все лучшее приобретали Третьяков и Александр III. Помимо нескольких картин в Лувре, Музеях Орсе и Карнавале, есть они и в довольно неожиданных местах. Согласно преданию, когда театр «Комеди Франсез» выступал в Москве, Никита Хрущев посетил с актерами Третьяковку. Французам понравился поленовский «Ранний снег», и советский лидер тут же распорядился подарить это полотно гостям. Так оно оказалось в Музее-библиотеке главного французского театра. Парадную лестницу парижского Офицерского клуба — Circle National des Armées — украшает картина Бого-

любова «Прибытие русской эскадры в Тулон» (визит был приурочен в 1893 году к чествованию франко-русского союза), ее подарил Николай II за оказанный нашим морякам прием. Она и сегодня напоминает французам о том, кто их союзники.

СВОЙ: *Есть ли неизвестные русские картины во французских частных коллекциях?*

Моженок-Нинен: Несомненно. Об одних рано или поздно вспоминают и узнают. Другие появляются на арт-рынке. После выхода моей книги о передвижниках Музей Эжена Будена в нормандском Онфлере приобрел «Взморье» Боголюбова. Музей города Фекана отреставрировал его работу «Закат солнца в Сен-Мало».

СВОЙ: *Какова судьба уникальной коллекции профессора Алексея Коротнева, основателя Русской зоологической станции в средиземноморском Вильфранш-сюр-мер?*

Моженок-Нинен: В его собрании было шестьдесят картин Репина, Левитана, Кустодиева, Серебряковой и других. Большую часть в свое время передали Киевскому Музею древностей и искусств. Мне удалось найти следы лишь нескольких. В Вильфранше осталось около десяти работ, хранящихся в Музее цитадели. Несколько лет назад их показывали в Музее Массена в Ницце.

В. Поленов. «Право господина». 1874

На семи холмах

И только ветер в аллеях Нескучного...

Виктория Пешкова

Нескучный сад нередко называют исторической частью Парка Горького. Определение более чем справедливое — парк недавно отпраздновал 90-летие. А Нескучное, как оно в те поры именовалось, стало излюбленным местом загородных прогулок московской публики почти три века тому назад.

Забавы ради

Живописная местность на правом берегу Москвы-реки вниз по течению от Воробьевых гор как нельзя лучше подходила для устройства загородных усадеб: приятность времяпрепровождения на лоне природы сочеталась с удобством относительно быстрого возвращения к благам городской жизни. Тенистые рощи, пересеченные крутобокими оврагами, по дну которых змеились звенящие ручейки, тянулись от реки до самой Старой Калужской дороги (нынешний отрезок Ленинского проспекта от Крымского Вала примерно до ТТК). Дальней ее границей в старину служила слобода, принадлежавшая Андреевскому монастырю.

Считается, что своим названием нынешний Нескучный сад обязан усадьбе князя Никиты Юрьевича Трубецкого, видного сановника времен царствования Елизаветы Петровны, генерал-фельдмаршала, кавалера двух самых почетных орденов Российской империи — Андрея Первозванного и Александра Невского. Землю (от Андреевского оврага до того места,

где сейчас висится ротонда в честь 800-летия Москвы) князь приобрел еще в 1728 году, но активное строительство усадьбы началось где-то в середине 50-х годов, руководил им выдающийся архитектор Дмитрий Ухтомский.

Задача перед зодчим стояла непростая — вписать усадебный ансамбль в изрядно пересеченную местность, но справился он с нею, судя по сохранившимся документам и воспоминаниям современников, просто блестяще. Увы, большинство построек, включая восхитительный дворец в стиле елизаветинского барокко, были выполнены из дерева и до наших дней не сохранились. Уцелела лишь созданная в камне «галерея, стоящая на острове», превращенная в Охотничий домик. Ее грациозный абрис знаком сегодня каждому, кто не чужд интеллектуальных развлечений — здесь уже почти 30 лет проходят съемки батالي клуба «Что? Где? Когда?».

Гордостью хозяина был парк. Регулярный — в «версальском вкусе» — был разбит при въезде в усадьбу с Калужской дороги и радовал глаз сложносочиненными клумбами и деревьями, подстриженными в виде геометрических фигур. Пейзажный, раскинувшийся позади дворца на склонах, ведущих к реке, — вот где овраги с ручейками, что называется, сыграли Ухтомскому на руку, — манил извилистыми тропинками, укромными гротами и романтическими беседками.

Дом Трубецких славился гостеприимством — празднества князь любил и устраивал по каждому удобному поводу, а иногда и вовсе без оно. Говорят, что временами у него собиралось до пятисот человек. Костюмированные балы и роскошные званые обеды с иллюминацией, фейерверками, театрализованными представлениями и концертами — каждая затея удавалась на славу.

Старший сын Никиты Юрьевича, по всей видимости, унаследовал от

П. ПЕТРОВИЧЕВ. «В НЕСКУЧНОМ САДУ». 1915

отца вкус к многолюдным празднествам. Но если батюшка звал к себе общество избранное, то наследник открыл Нескучное для публики — разумеется, приличной.

В одном из выпусков «Московских ведомостей» за 1776 год было объявлено, что «в доме Его Сиятельства князя Петра Никитича Трубецкого... сего Июля с 21 дня по понедельникам и четвергам, в 6 часов пополудни, выключая дней, случающихся накануне торжественных праздников, под смотрением Мелхиора Гротти, содержателя Московского театра и разных зрелищ, бывают ваксалы, где за вход каждая персона платит по 1 рублю, выключая за ужин, напитки и конфекты, что все получается за особливую умеренную цену; онаго дому сад бывает иллюминирован разными горящими в фонарях огнями; сверх того собирается музыка, состоящая в разных инструментах; словом, он, Гротти, по возможности своей старается делать все то, что послужить может к лучшему удовольствию благородного собрания: желающие же всякий день гулять в том саду впускаются безденежно, а за деньги достают только кушанья и напитки».

По мужской линии старшая ветвь Трубецких прервалась на внуке Никиты Юрьевича Василии. Подававший большие надежды юноша служил переводчиком

в Коллегии иностранных дел, но скоропостижно скончался, не дожив до 20-летия. Усадьба перешла к дочери князя — Елене Никитичне, однако много внимания она ей уделять не могла, поскольку супруг ее, князь Александр Алексеевич Вяземский, генерал-прокурор Сената, по долгу службы был обязан большую часть времени проводить в Петербурге. Имение было продано, и новым владельцем Нескучного в 1823 году стал князь Л.А. Шаховской (его брат-драматург Александр немало настрадался от пушкинских эпиграмм). Состояние княжеского семейства к тому времени было уже довольно скромным, и Лев Александрович изыскивал способы, дабы упрочить его благополучие. Кто-то убедил Шаховского, что ключи, бывшие в оврагах Нескучного, обладают целебной силой и можно в усадьбе оборудовать водолечебницу, но «в тамошние ванны никто не садился, воды не пили, в галереях не гуляли». И в декабре 1826 года князь продал усадьбу дворцовому ведомству.

Город-сад

По соседству располагалось другое, не менее знаменитое имение, возникшее, как ни странно, примерно в то же время. Принадлежало оно Прокофию Акинфиевичу Демидову, правнуку основателя династии

НА СЕМИ ХОЛМАХ

российских промышленников Демида Григорьевича Антуфьева. Свою долю семейного дела, унаследованную от отца — Акинфия Демидова, Прокофий продал, а на вырученные средства купил участок земли рядом с владениями Трубецких и устроил там ботанический сад. Один из первых в России.

Располагался он на том месте, где нынче Зеленый театр и театр Стаса Намина. Два года ушло на создание террас амфитеатра и строительство оранжерей и теплиц. Первые растения несостоявшийся горнопромышленник привез из сада под Соликамском своего младшего брата Григория. К 1756 году сад в Нескучном уже был во всей красе. Можно только воображать, какое дивное зрелище открывалось из окон демидовского дворца (ему, изрядно перестроенному за два столетия, суждено будет стать президиумом Академии наук СССР) на это царство растений (а их было более 6000 видов, в том числе экзотических). «...Сад сей не только не имеет себе подобного во всей России, но и со многими в других государствах славными ботаническими садами сравним, быть может, как редкостью, так и множеством содержащихся в нем растений...» — восторгался современник.

Демидов пригласил в усадьбу выдающегося естествоиспытателя того времени академика Палласа, и тот в 1781 году издал научный каталог растений. Гербарии, которые собирались по указанию Демидова, отправлялись в дар Московскому университету. С его остроумной придумкой связана вторая легенда о происхождении названия Нескучный сад. Дорожка своим детищем, хозяин тем не менее сделал его открытым для всех желающих, при условии, что они не будут наносить саду вреда. Для пресечения таких проказ Демидов якобы наряжал садовых служителей в белые одежды и заставлял стоять неподвижно, наподобие парковых скульптур. «Оживали» эти статуи

ФОТО: СЕРГЕЙ КАРПОВ/ТАСС

только тогда, когда кто-то из гостей намеревался ободрать клумбу. Испугу было пополам со смехом, вот москвичи и прозвали демидовский сад Нескучным.

Графский парк

Образ жизни ботаника-любителя его близкие считали сумасбродством, отношения с семейством у Прокофия Акинфиевича были напряженные, так что после его смерти усадьбу продали. Новым владельцем диковинного сада, к тому времени изрядно захиревшему, стал Федор Григорьевич Орлов, решивший обустроиться неподалеку от брата Алексея, которому принадлежала усадьба, неизвестно кем и когда — граф был завзятым голубятником — в шутку названная «Голубятней» (ее адрес 2-й Верхний Михайловский проезд, 2).

Не столь амбициозный, как другие Орловы, Федор Григорьевич, дослужившись до звания генерал-аншефа, вышел в отставку в тридцать с небольшим и погрузился в мирные занятия богатого помещика. В Нескучном он затеял большую перестройку, в том числе и обветшавшего демидовского дворца.

У любвеобильного Федора было семеро внебрачных детей — пять сыновей и две дочери, но любимое Нескучное он завещал племяннице Анне, дочери Алексея, носившего титул графа Орлова-Чесменского. Анна была единственным

ребенком отважного флотоводца и, разумеется, выросла настоящей папиной дочкой. Алексей Григорьевич страстно любил лошадей (это на его конном заводе была выведена одна из самых быстроногих отечественных пород — орловские рысаки). Поэтому в Нескучном были выстроены внушительного размера конюшни и прекрасный манеж (с 1934 года этот комплекс занимает Минералогический музей им. Ферсмана РАН). В этом манеже юная Анна могла пропадать целыми днями, и, говорят, ей не было равных в искусстве верховой езды.

При Орловых в усадебном парке появились «Летний домик» (ориентировочно 1804–1806 гг.), где устраивались чаепития, «Ванный домик», грот и несколько мостов над оврагами. «Сад графа в Нескучном был расположен на полугоре, разбит на множество дорожек, холмов, долин и обрывов и испещрен обычными постройками в виде храмов, купален, беседок; все памятники и постройки в этом саду напоминали подвиги и победы графа», — читаем в мемуарах очевидца. В любовно обустроенном Нескучном Алексей Григорьевич и окончил свои дни в 1808 году, и Анна Алексеевна стала полновластной хозяйкой.

Во времена французского нашествия усадьба пострадала не сильно. Здесь была штаб-квартира генерала Лористона, одно-

кашника Наполеона по артиллерийской школе, впоследствии видного дипломата. Именно его Бонапарт попросил любой ценой добиться мира от императора Александра I.

Средь шумного бала

Дальнейшую судьбу Нескучного и соседних усадеб предрешил, по всей видимости, грандиозный бал, данный 17 сентября 1826 года Анной Алексеевной Орловой-Чесменской по случаю коронации императора Николая I. Восторженный современник оставил подробнейшее описание, начинавшееся словами: «Это то, что называется в области изящного *grandioso*; это такой бал, который доселе мог дать только владетельный государь. Вообразите залу в 80 аршин длины, и вы не удивитесь, что тысяча персон весьма свободно в ней помещались, что нужно было 7000 свечей, чтобы осветить ее! Гигантские деревья южного климата, обрезанные кронами и поставленные против каждого окошка в позлащенных чанах, сливали свою зелень с блеском позолоты и пунцовым цветом богатейшей драпировки, коими была убрана сия зала». После танцев гостей, числом более пятисот, ждал изысканнейший ужин, сервированный в отдельном, столь же богато убранном помещении, причем августейшая фамилия вкушала его на золоте. А прочие приглашенные — на серебре. Затем последовали костюмированное представление и фейерверк.

Императрица Александра Федоровна была восхищена не только празднеством, устроенным в честь ее обожаемого супруга, но самой усадьбой, причем настолько, что, как говорят, выразила желание обладать Нескучным. Николай, всегда очень нежно относившийся к жене и исполнявший малейшие ее прихоти, вознамерился исполнить и эту. Через несколько лет Дворцовое ведомство приобрело поместье у графини Орловой-Чесменской. Так царская фамилия стала обладателем двух смежных участков. Дело оставалось за прилегающим к ним третьим, последним.

Принадлежал он семейству Голицыных. Одну часть занимала ставшая впоследствии знаменитой Голицынская больница для бедных (ныне это здание входит в состав Первой градской больницы). Другая — находилась во владении Натальи Петровны Голицыной, той самой, что послужила Пушкину прототипом Пиковой дамы. Княгиня была человеком упрямым и своевольным. Продать принадлежащий ей участок Дворцовому ведомству отказалась и в завещание включила пункт, запрещающий продавать его кому бы то ни было в течение пяти лет после ее смерти. Казна заполучила земли Голицыных только в 1843 году.

Новая императорская резиденция обустроивалась с размахом и роскошью. Дворец Орловых, получивший в честь венценосной хозяйки имя Александринского, был перестроен на классический манер архитектора-

ми Евграфом Тюриным и Иваном Мироновским. От Старой Калужской дороги к нему проложили широкую подъездную аллею, парадный двор обрамили двумя корпусами — Фрейлинским и Кавалерским. Если бы не слабое здоровье императрицы, возможно, и дальше жизнь в Нескучном кипела бы празднествами и балами. Сложилось иначе.

Считается, что из членов императорской фамилии дольше всех наслаждался Нескучным великий князь Сергей Александрович, брат Александра III, с 1891 года пребывавший в должности московского генерал-губернатора. Ни он, ни его супруга Елизавета Федоровна шумных празднеств не любили, и жизнь в Нескучном текла тихо и размеренно.

На сем и остановимся, ибо все, что происходило с Нескучным в XX столетии, — это уже другая история.

P.S. Архитектурный и ландшафтный ансамбль «Усадьба «Нескучное» московские городские власти взяли под охрану как объект культурного наследия федерального значения. Соответствующее распоряжение правительства Москвы вышло в конце 2017 года.

Ротонда в честь 800-летия Москвы

ФОТО: АЛЕКСАНДР КУРГАНОВ

Стоп-кадр

Из жизни инспекторов уголовного розыска

ФОТО: PHOTOPRESS

Николай Ирин

Значение фильмов о буднях уголовного розыска, который 5 октября отмечает столетний юбилей, переоценить, как говорится, трудно. При этом кино про борьбу с криминалом имеет огромный жанровый потенциал: загадки преступлений, тайны характеров, аналитическое моделирование, апология мужества привлекают зрителей во всех странах и в любые времена. Отечественная ситуация тем не менее специфична, и наши сыщики одновременно с территорией социального конфликта осваивали еще и некое «метафизическое пространство».

СОВЕТСКАЯ система по-материалистически отрицала объективную данность зла как составной части мироздания: капитализм обрекался на то, чтобы рано или поздно умереть, уступив место передовому строю, а внутренний мир типового человека должен был радикально усовершенствоваться. От лица «теневого измерения», которое все равно ведь никуда не делось и при развитом социализме, представляли не inferнальные бесы с призраками и маньяками, а вполне осязаемые темные силы: «недобитые буржуи», их замаскировавшиеся пособники, фашистские холоуи и, главным образом, загадочные личности с искривленной психикой — уголовники. В советском кинематографе перечисленные категории олицетворяли непроницаемый «метафизический» мрак, автоматически возвышая оперативников, следователей и криминалистов до уровня истребителей вселенского зла.

«Место встречи изменить нельзя»

Во многом благодаря киноискусству мы, рядовые граждане, воспринимаем работников уголовного розыска как рыцарей добра. Кстати, относительно недавно в телесериале «Господа-товарищи» (2014) была сделана попытка обозначить преемственность уголовного розыска по отношению к дореволюционному сыску. Александр Домогаров выразительно сыграл Николая Александровича Вараксина, в недавнем прошлом дворянина и следователя царской полиции, а в первые годы Советской власти уже сотрудника московского УГРО. Вараксин импозантен, умен и при этом обладает бесценным запасом опыта. Споры нет, старые спецы играли на первых порах значительную роль, и все-таки уголовный розыск формировался на новых принципах. В замечательной экранизации повести Павла Нилина «Испытательный срок» (1960) двое приятелей-комсомольцев, направленных служить в УГРО, не просто анализируют, допрашивают и задерживают, но еще и рассуждают, определяют рамки приемлемого для рабоче-крестьянского сыщика поведения. Сергей Зайцев в исполнении Вячеслава Невинного и Саша Егоров, сыгранный Олегом Табаковым, обладают показательно различными темпераментами — отсюда

«Берегись автомобиля»

чрезмерно жесткий подход первого и нерешительная манера второго.

«Когда я еще хотел поступать в уголовный розыск, — рубит с плеча Сергей, — у меня было такое представление, что здесь сразу кончают. Берут и, в случае чего, сразу кончают». «Тогда ты ошибся, Зайцев! — притормаживает его старший товарищ, до поры до времени опекающий стажеров старший уполномоченный Ульянов Жур (Олег Ефремов). — Тогда тебе лучше всего было бы пойти в палачи». В сущности, он учит ребят основам юриспруденции, объясняя, что их задача — найти и задержать преступника, а не приговор ему выносить на основании собственных, возможно, ошибочных умозаключений и эмоциональных порывов. «А судить будут в другом месте, — развивает Жур. — В другом месте разберутся во всех подробностях».

«Следствие ведут ЗнаТоКи». «Подпасок с огурцом»

«Испытательный срок» — своего рода канон, образец фильма о молодых да ранних, волею судьбы или по велению сердца оказавшихся на службе в УГРО. Здесь в одном флаконе и роман воспитания, и производственная драма, где фарсовые эпизоды с неперменными розыгрышами коллег внезапно сменяются смертельно опасными погонями.

СТОП-КАДР

«Испытательный срок»

«Трактир на Пятницкой»

Юмор в картинах про уголовный розыск — необходимая жанровая составляющая, которая позволяет уравновесить некомфортную тему близкого присутствия смерти. Ленты о войне или фильмы-катастрофы попросту заквашены на мотиве «массовая гибель всего живого». Но криминальный жанр работает с повседневностью, с привычным бытом. Еще вчера все вместе пили чай с бубликами или даже хороший коньяк по случаю дня рождения, а уже сегодня недосчитались товарища. Столь быструю смену одного *modus vivendi* другим, противоположным, принять невероятно сложно.

Недаром особой популярностью пользовались и пользуются до сих пор фильмы, в которых комедия органично сплавлена с криминальной фабулой. «Берегись автомобиля» и «Старики-разбойники» Эльдыра Рязанова, «Бриллиантовая рука» Леонида Гайдая никогда не выйдут из моды и сетки теле вещания. Несмотря на буффонаду и гротеск, образы работников УГРО как рыцарей добра в смешных картинах особенно привлекательны. Следователи Максим Подберезовиков, Николай Сергеевич Мячиков и Федор Федорович Федяев в исполнении Олега Ефремова, Юрия Никулина, Георгия Буркова — золотой фонд, подлинные открытия нашего киноискусства. Получая на территории комедийного жанра законную возмож-

ность посмеяться над персонажами, великие актеры, как это ни парадоксально, являют зрителю героев без страха и упрека, едва ли не идеальных мужчин, с которых можно и нужно брать пример. В «Бриллиантовой руке» сыщики вроде бы на втором плане, и все равно невозможно забыть любовно сконструированные образы Михал Иваныча (Станислав Чекал), лейтенанта Володи (Владимир Гуляев) и феноменально проницательного полковника от Николая Трофимова.

Отметим еще один крайне любопытный в плане удачных новаций фильм, где добрая ирония была густо примешана к детективу. В «Сыщике» (1979) режиссера Владимира Фокина по сценарию Владимира Кузнецова главную роль сержанта милиции Евгения Кулика блистательно исполнил молодой Андрей Ташков. Юноше сняты сны: он выступает как супермен, скалькированный с образов Жан-Поля Бельмондо. В реальности же парню предстоит вначале расследовать незначительные происшествия. Впрочем, когда дело дойдет до настоящего, смертельно опасного противодействия — в схватке с бандитом Палёным и его поделниками, сыщик останется на должной высоте. Играющие его начальников Игорь Кваша и Николай Скоробогатов убедительно изображают сперва сочувствие чрезмерному рвению новичка, а затем радостное удовлетворение: парень на поверку оказался не шутком гороховым, а достойным продолжателем славной милицмейской традиции.

Еще одна лента, где сошлись детектив, незлая ирония и яркий молодой талант, — «Зеленый фургон» (1983) Александра Павловского, экранизация знаменитой одноименной повести Александра Козачинского. Дмитрий Харатьян предстает в роли юноши из интел-

«Зеленый фургон»

лигентной семьи, профессорско-го сына Володи Патрикеева. Тот становится начальником отдела милиции в послереволюционной Одессе и противостоит опытному бандиту по кличке Червень. Козачинский создавал образ Володи на основе реальной биографии своего одноклассника, будущего соавтора «Двенадцати стульев» Евгения Петрова. В 80-е романтика и героика в отечественном кино удавались слабо, тем удивительнее случай «Зеленого фургона»: фильм-сновидение, фильм-мечта о неукротимой энергии молодости, служении делу,

подвиге и приключениях, которые есть, как ни крути, в жизни всякого сыщика.

Феноменален и телевизионный цикл «Следствие ведут ЗнаТоКи». С 1971-го по 1989-й по сценариям Ольги и Александра Лавровых были сняты 22 киноистории. Следователь Пал Палыч Знаменский (Георгий Мартынюк), инспектор уголовного розыска Томин, в просторечии Шурик (Леонид Каневский), эксперт-криминалист Кибрит, для друзей — Зиночка (Эльза Леждей), будучи в основном кабинетными аналитиками, завое-

СТОП-КАДР

«Бриллиантовая рука»

вали огромную зрительскую аудиторию. Их с нетерпением ждали, им подражали. Удачное сочетание трех разных характеров в совокупности с выдающимся кастингом гарантировали зрителю поистине интеллектуальное наслаждение. Свои сценарии авторы почти всегда основывали на реальных уголовных делах, но заветная тройца сообщала и без того подлинным историям достоверность особого порядка. То, как Пал Палыч, Шурик и Зиночка обмениваются информацией, допрашивают и выслушивают, анализируют и морализируют, наконец, дружат, вызывает восхищение и сегодня, спустя многие годы. Сериал делался на телевидении, с минимальным бюджетом и, прямо скажем, несколько архаичными методами, однако «отсутствие художественной формы» парадоксально сработало в

пользу «ЗнаТоКов»: была предложена оригинальная эстетика, которая словно бы настаивает на второстепенности погонь и драк, необязательности экспрессивной картинки и эффектного монтажа. Люди — вот кто поставлен в центр эпопеи. И к несчастным потерпевшим, и к испуганным свидетелям, и даже к матерым преступникам трио сыщиков испытывает подлинный интерес.

«Рожденная революцией»

Это не слюнявое сочувствие или жесткое отрицание, а стремление разобраться в глубинных мотивах, желание выявить механизмы поведения, в разной мере противоправного.

Доверяя неподкупному профессионализму знатоков, замороженно вглядываемся в их собственные психологические глубины. Неброская по форме многосерийка по сей день не сходит с экрана, давая возможность восхищаться нашими мастерами телевизионного кино. Создатели сериала умудрялись производить социально значимые и художественно безупречные вещи, невзирая на технологические проблемы! Ну а песня Марка Минкова на стихи Анатолия Горохова с рефреном «Значит, снова нам вести незримый бой» давно стала классикой.

«Ночное происшествие»

Еще как минимум два телесериала, посвященных работникам УГРО, вошли в сокровищницу отечественной культуры — «Рожденная революцией» (1977) Григория Кохана и «Место встречи изменить нельзя» (1979) Станислава Говорухина. Описывать их достоинства излишне, они общеизвестны. В первом блистают Евгений Жариков с Натальей Гвоздиковой, во втором — два Владимира, Высоцкий и Конкин. Сюжеты «опрокинуты в прошлое»: тяжелые времена и сверхопасные отморозки не в силах лишить героев исторического оптимизма, мужества, доверия к соотечественникам. Умело воспроизведены исторические реалии, мастерски прописаны приключения, которые позволяют любимым исполнителям в полной мере проявить себя в образах, присущих суровой и романтической героике.

«Дело №306» и «Дело «пестрых», «Петровка, 38» и «Огарева, 6», «Трактир на Пятницкой» и «Ларец Марии Медичи», трилогия о полковнике Зорине, «Будни уголовного розыска» и «Инспектор уголовного розыска», «Инспектор Лосев» и «Мой друг Иван Лапшин», «Жестокость», «Расследование», «Гонки по вертикали», «Противостояние» и уже современные «Улицы разбитых фонарей» и «Ликвидация» — в этих и других прославленных кинолентах с нашими лучшими актерами, помимо напряженного сю-

жета, есть роскошный второй план. Криминальные драмы настолько завязаны на повседневность, быт, а сыщики так «заточены» на внимательность, что именно в детективах социально-психологическая реальность оставляет наиболее заметные следы. Запечатленную на такой пленке материальную культуру эпохи не способен вымарать даже самый искушенный цензор. Вот почему средние по качеству детективные фильмы, как правило, дают больше информации о «жизни как она есть», нежели тщательно обработанные признанными мэтрами шедевры авторского кино.

Преступление — выход за пределы нормы, но именно поэтому она,

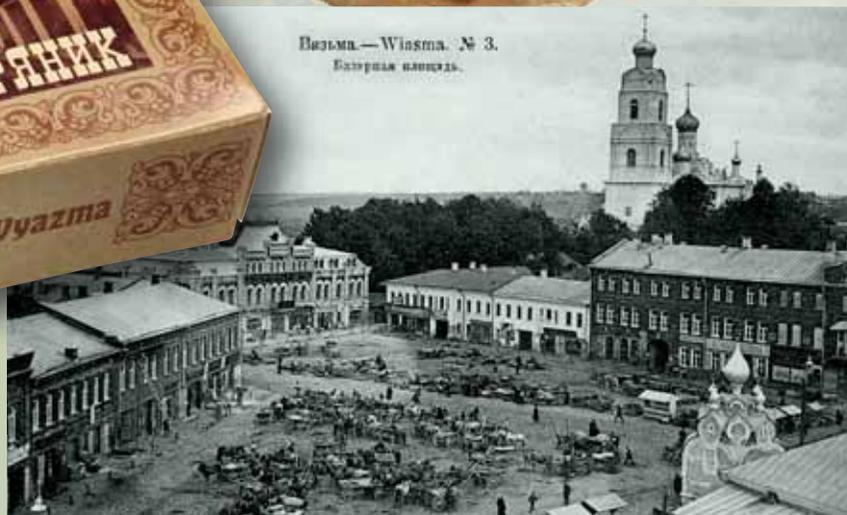
норма, предъ- является созда- телем криминаль- ной картины особенно наглядно. Выходит, что кинопродукция, посвященная работникам УГРО, это еще и энциклопедия советской, а равно постсоветской повседневности. Там представлены социальные типы, манеры, словечки, нравы и вещи, которые зачастую не допускались в фильмах о «приличных людях».

Любовно пересматривая старые вещи, ждем новых киноработ, сориентированных не на подражание западной (или восточной) продукции, а на адекватный показ российской действительности. Отечественные следователи с криминалистами денно и нощно ведут свой «незримый бой» именно так, как принято у нас, в наших городах и весях. Следовательно, и кинематографистам подворовывать элементы чужой культуры, чужеродной среды тут явно ни к чему.

Трапезная

ФОТО: МАРИЯ КИСЕЛЕВА

В Москве — невесты, в Вязьме — пряники

Максим Сырников

В иные времена каких только пряников не было в родном Отечестве — тульские, городецкие, покровские, курганские, воронежские... И, конечно, вяземские — особые, мелкие, с делением на порции. У Чехова в повести «Степь» такой продается по копейке за пару.

«**М**ОСКВА славилась невестами, как Вязьма пряниками», — писал Пушкин.

Считается, что рецепт их давно не используется. Сегодня в этом древнем городке на Смоленщине на хлебозаводе готовят нечто «по старинному рецепту», но традиционное там, пожалуй, лишь битое тесто, не имеющее исторической привязки к конкретной местности. Единственный сохранившийся способ приготовления (тоже не самый убедительный, надо отметить) возьмем из книги русского кондитера Ковалева, изданной в 1914 году.

Вяземские пряники известны по крайней мере с XVII столетия. А в упомянутой книге используется «картофельная мука» — крахмальный порошок, который в России появился в самом конце века восемнадцатого.

Тем не менее пряники получаются довольно вкусные. И, кстати, абсолютно постные.

Пряник

- * Мука пшеничная первого сорта — 250 г
- * Крахмал картофельный — 250 г
- * Мед — 300 г
- * Корица, гвоздика, бадьян, кардамон — молотые, по половине чайной ложки
- * Миндаль — 150 г

Для глазури:

- * Сахарная пудра — 200 г
- * Лимонный сок — 30 г

Тесто готовится заварное, на горячем меду. Мука пшеничная, первого сорта, смешивается с картофельным крахмалом. Тем временем растапливается в кастрюльке или сотейнике мед, с которого непременно снимается пена — восковой остаток. Корицу, гвоздику, бадьян и кардамон прогревают в уже горячем меде и, потихоньку подсыпая, заваривают в нем смесь муки и крахмала — до получения теста, эластичного и плотного. Тесто раскатывают в небольшие шарики, обваливают их в нарезанном обжаренном миндале и выпекают при температуре 150–160 градусов до полной пропеченности. Затем покрывают глазурью из сахарной пудры и лимонного сока.

Б. ИОУАНСОН. «РАБОТАКИДЕ». 1928

Свои

ОКТАБРЬ 2018

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки